

A close-up portrait of a young woman with light brown hair and eyes, looking slightly upwards and to the right with a soft expression.

*Любить невозможно
наполовину: либо любовь
есть, либо ее нет.*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

Татьяна Трoнина

Белла, чао!

«ЭКСМО»

2011

Трoнина Т. М.

Белла, чао! / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2011

Белла – странная девушка, читающая стихи бушующей стихии, – живет в маленьком поселке где-то в глубинке и вовсе не стремится в Москву. Но однажды ей приходится поехать туда, чтобы отыскать исчезнувшего жениха сестры. И эта поездка круто изменит всю ее жизнь. А пока девушка думает, что будущее предсказуемо, и не подозревает, какие страсти закипят уже совсем скоро...

© Трoнина Т. М., 2011

© Эксмо, 2011

Татьяна Тренина

Белла, чао!

– Белла, ты уходишь? – крикнула из соседней комнаты старшая сестра, Анжела. – Отнеси Тимуру шторы, а? Тебе ведь не трудно?

– Совсем не трудно! – бодро отозвалась из прихожей Белла, залезая в длинный, широкий пуховик темно-зеленого цвета. Затем девушка попыталась натянуть на голову вязаный берет, но тот после стирки безнадежно съезжился и, сколько Белла ни тянула края берета к вискам, неумолимо съезжал на макушку, заставляя волосы, и без того непослушные, топорщиться возле щек. – Чтоб тебя! – рассердилась Белла и швырнула берет в угол, на галошницу. «Платок надену...» Она принялась энергично наматывать на голову вязаный шерстяной платок, оставшийся еще от бабушки.

– Господи, Белла, ты же к Тимуру идешь! – В прихожую вышла Анжела в пеньюаре персикового цвета. Всплеснула полными розовыми руками, вокруг которых вились, словно пена, кружева.

И пеньюар, и, кстати, шторы, предназначавшиеся Тимуру, и еще много чего в этом доме, да и в соседних, и то, во что были одеты многие жители поселка городского типа Ирга (восточная часть Западной Сибири), было сделано этими самыми руками. Анжела являлась профессиональной швеей. Правда, в конкурентной борьбе с китайским дешевым ширпотребом сестра Беллы проигрывала. Ширпотреб в поселке все же было больше...

– И что?

– Оденься приличнее! Этот платок ужасный...

– Не трогай! – предусмотрительно отскочила Белла. – Я опаздываю.

– Белла, я не позволю, чтобы ты в таком виде... Гена, ты погляди, в каком она виде собралась к Тимуру!

– Анжелочка, я тебя умоляю... – из глубин дома послышался благостный голос Гены, жениха Анжелы. – Оставь ее в покое.

Слово жениха – закон.

– Опаздывает она... – вздохнула Анжела, моментально смирившись. – Ну ладно, иди, Белка. Только сумку никуда не ставь, слышишь? Вдруг промокнет...

Белла послала сестре воздушный поцелуй и вышла из дома.

...На улице было не просто тепло, а даже жарко – под лучами апрельского солнца таяли последние островки снега. Казалось, даже деревья вспотели от внезапно нагрянувшей весны – кора на их стволах лоснилась от влаги. А ведь еще на прошлой неделе стояли морозы...

Белла оглянулась, помахала рукой – у окна стояла Анжела.

Дом сестер – большой, кирпичный, двухэтажный, основательный – тоже словно таял в голубоватом весеннем воздухе.

Надо было вернуться, переодеться во что-нибудь более легкое, но Белла, нетерпеливая и упрямая, не хотела тратить время на переодевание.

Как была – в зимнем пуховике, платке, тяжелых сапогах, с клеенчатой большой сумкой в руках – Белла выскочила за ворота.

Мимо в резиновых чоботах прошлепала старуха-соседка, Клавдия Трофимовна, – тащила за собой на веревке козу.

– Клавдия Трофимовна, здравствуйте! Как, не пошел еще лед?

– Откуда ж я знаю, Белла... А ты куда?

– На реку, куда еще!

– От любопытная... Дался тебе этот ледоход! Главное, лишь бы не затопило...

Все последние дни Белла бегала на берег – ждала, когда вскрыется лед на реке, носившей то же название, что и поселок, – Ирга.

Каждый год девушка любовалась ледоходом. Могла часами стоять и смотреть, смотреть, как несутся мимо глыбы льда – до тех пор, пока не начинала кружиться голова. Ирга – приток Томи. На реке Томи стоял город Томск. Один раз, давно, Белла была в Томске весной и там наблюдала за ледоходом. Потрясающе... Хотя, если подумать, Ирга кажется не намного меньше Томи!

...Белла по широкой, засыпанной щебнем дороге стала спускаться вниз, к реке. Солнце светило прямо в глаза.

Лишь оказавшись на берегу, девушка смогла как следует оглядеть реку – и разочаровалась. Никакого намека на ледоход!

До горизонта тянулась серая, рыхлая, с зеленоватыми, желтоватыми пятнами ледяная корка. Кое-где виднелись трещины, но совсем небольшие. Хотя у самых берегов лед уже подтаял и блестела прозрачно вода.

Это было странное зрелище: берег, черный, уже совершенно свободный от снега, местами посыпанный прошлогодней рыжей листвой, и – ледяное русло реки.

«Поднимусь на мост!» – решила Белла.

Чуть ниже поселка, в полукилометре, находился мост – он вел к Михальску, ближайшему крупному городу. В Михальске жила родная тетка Беллы и Анжелы – Раиса. Замечательная, очень добрая женщина – это она последовательно и настойчиво придумывала своим племянницам такие романтические, красивые имена. Сказала когда-то матери Беллы и Анжелы: «Уж детей своих назовем красиво, по-городскому! Не быть им Райками да Зойками, как нам...» И сына, двоюродного брата Беллы и Анжелы, тетя Рая назвала по-царски – Генрихом. Генрих умер в позапрошлом году от цирроза печени.

«Надо к тетке съездить, – подумала Белла, шагая вдоль кустов ирги, которыми зарос весь берег. Из этих ягод, ирги, вкусом напоминающих чернику, Анжела делала очень вкусное варенье. – Да, точно. С Анжелой и Геной. Тетя Рая еще не видела Анжелкиного жениха!»

На мосту стояли несколько человек – мужчины, женщины, была еще пара с ребенком; все, вцепившись в перила, дружно смотрели на реку. Белла была незнакома с этими людьми (разве упомнишь всех, ведь в поселке тыщи три-четыре жителей, не меньше!), но это ее ничуть не смутило.

– Добрый день! – приветливо крикнула она. – Что говорят? Скоро лед тронется?

– Еще неделю простоит, до майских, – меланхолично отозвался кто-то.

– Как – до майских? – возмутилась одна из женщин. – Этой ночью должен тронуться! В крайнем случае, завтра днем.

– Послезавтра, – повернулся старик в телогрейке, с прилипшей к нижней губе папиросой. – Сегодня – навряд ли. Река метра на четыре, а то и на шесть промерзла.

– И правда. Быстро дело не пойдет. И вообще, по-хорошему, взрывать надо.

– Взрывай не взрывай – не поможет. Зима какая была, а? И март холодный, и начало апреля – не дай бог... А тут раз – и тепло пришло. Такое начнется!

– Мост может снести. Мост ненадежный. Там сваи подмыты, еле держатся. Если льдины пойдут – сковырнет его, зуб даю.

– Ой, ой... Что вы пугаете! У вас и зубов-то нет! Как же мы без моста-то? – перепугалась одна из женщин. – Это же мы от внешнего мира окажемся отрезаны! А если кто заболит?

– Ничего. Больница у нас в Ирге хорошая. Вон, Серафим Иванович, хирург, любой аппендицит вырежет!

– Так то аппендицит, а если что серьезное?

– Вертолет вызовут!

– Да! Как же! Прилетит к нам волшебник в голубом вертолете... разбежались!

Белла не стала дослушивать этот спор (ясно же, опять никто ничего не знает!), затопала вперед. Посреди моста остановилась, посмотрела вниз. Скинула платок на плечи, прислушалась – не трещит ли лед?

Но нет, стояла тишина, лишь ветер свистел в ушах, трепал нахально волосы Беллы – длинные, кудрявые, тяжелые пряди цвета каштана, о которые ломались зубья любой расчески...

– «Еще о всходах молодых весенний грунт мечтать не смеет... – шепотом, разнеженно произнесла Белла, повернув лицо к солнцу. Продолжила чуть громче: —...из снега выкатив кадык, он берегом речным чернеет».

Она на память знала множество стихов – недаром десять лет работала в библиотеке, едва только школу окончила. Все книги перечитала, а некоторые – по несколько раз.

Чужие, пусть и непонятные слова она привыкла считать своими – ведь они являлись отражением ее собственных чувств. Это как заклинание – вникать не надо, надо – верить.

– «Заря, как в плащ, впилась в залив, и с мясом только вырвешь вечер из топи. Как пло-толюбив простор на севере зловещем! – страстно произнесла-пропела девушка, закрыв глаза. – Он солнцем давится заглот и тащит эту ношу по€ мху. Он шлепает ее об лед и рвет, как розовую семгу!»

Последние строчки она прокричала, встряхнув головой и хищно оскалив зубы. Хотела продолжить, но в этот момент услышала покашливание.

Белла обернулась и только тогда заметила, что люди на мосту молча смотрят на нее. «Опять я орала, наверное... – с досадой подумала Белла. – Ну и ладно, ну и подумаешь!»

Здрав нос, девушка важно прошла мимо любопытных.

– Жениться тебе надо, девка, – произнес старик с папиросой, прилипшей к нижней губе.

Белла фыркнула, ничего не ответила.

За спиной услышала: «Вот чумичка...» – «А кто она?» – «Да это ж библиотекарьша... Книг начиталась, и мозги свихнулись! У ей Анжелка, сестра – шьет которая!»

Через пять минут Белла уже забыла об этих разговорах. А еще через двадцать минут она стояла у большого трехэтажного особняка за высоким кирпичным забором. Дом Тимура в их поселке был одним из самых лучших. Оно и неудивительно – Тимур зарабатывал больше всех в Ирге. У него была автомастерская, где он делал вездеходы. Эти вездеходы на ура раскупались жителями соседних деревень и городов – ведь только на них можно было проехать по здешним дорогам в распутицу.

Белла нажала на кнопку звонка у ворот. Подождала. Снова нажала. Скорее всего, Тимур находился в своей автомастерской, что на противоположном конце Ирги. Можно было оставить сумку со шторами у соседей Тимура... Во двор дома напротив – ветхого, покосившегося – как раз вышла женщина в подоткнутой юбке, выплеснула на землю ведро грязной воды.

– Здравствуйте! – закричала Белла. – Не могли бы передать Тимуру заказ? Тут шторы, в сумке... Передадите?

Женщина, услышав имя «Тимур», сплюнула сквозь зубы и, бросив на Беллу недобрый взгляд, вновь скрылась в своем доме.

Ничего удивительного – Тимура в городе не все любили. Это ж надо – за один вездеход ему платили пятнадцать-двадцать тысяч долларов! Огромная сумма для поселка городского типа.

И еще – Тимур ненавидел бездельников, пьяниц, дураков, негодяев... Поскольку Ирга – небольшой населенный пункт, администрация там носила весьма формальный характер. Кто сильнее – того и слушались. Авторитет Тимура в Ирге был непререкаем. Он мог и в суд подать, и лично разобраться с нарушителями общественного порядка...

Словом, половина поселка Тимура ненавидела, другая половина – чуть не на руках носила. Настоящий хозяин, справедливый. Защитник. Судья.

Тимур и физически был необычайно силен – недаром в молодости, когда в армии служил, воевал в горячей точке...

Получив отказ от соседки Тимура, Белла потопталась на месте, затем пожала плечами и мужественно направилась в сторону автомастерской. Она обещала Анжеле передать Тимуру шторы, и она это сделает.

Как уже упоминалось, автомастерская находилась на окраине Ирги, довольно далеко. Белла, окончательно измученная и вспотевшая, едва добрела до нее – пришлось еще преодолеть огромную лужу на дороге.

Но вот и бетонные плиты забора, ограждавшие большой пустырь (когда-то здесь была тракторная мастерская – еще в те далекие времена, когда Ирга являлась обыкновенным колхозом).

Белла зашла в распахнутые ворота – черная земля, повсюду мусор; запах солярки, краски... Солнце уже садилось, и, как часто бывает, вечерний свет делал окружающий пейзаж тоскливым и мрачным.

На другом конце пустыря располагалась мастерская – строение из железа и бетона, напоминающее ангар. Увязая в грязи, Белла зашлепала туда.

– Эй, есть кто-нибудь?

Из-за железных дверей вынырнул Веня в синем комбинезоне:

– Ой, кто к нам идет... Белла, привет!

Вслед за Веней выглянул и Сашок:

– Ба... какие люди!

Веня и Сашок – помощники Тимура. Гржимилек и Вахмурка. Лелек и Болек... Тарапунька и Штепсель! Веня – высокий, полный, страдающий от вечной меланхолии, с черными подглазьями, говорящими о каком-то внутреннем нездоровье, и Сашок – мелкий, вертлявый. Веселый – что бы ни случилось, всегда и везде. И Вене, и Сашку было около тридцати. Сашок когда-то пил, и очень сильно, – пока не попал к Тимуру. А Тимур не употреблял спиртного сам и не позволял этого своим помощникам. «Выпьешь хоть один раз – уволю». И увольнял... Сашок и Веня были не первыми нанятыми работниками. Но они держались – ведь лучше места в Ирге не найдешь.

Мать Сашка – та буквально молилась на Тимура...

– Тебе чего, Белка? – приветливо спросил Веня, вытирая ветошью измазанные чем-то черным руки.

– Я Тимуру заказ принесла. Анжела шторы сшила. Зашла к нему домой – так нет никого...

– Сашок, у тебя руки чище, возьми у девушки сумку! – улыбаясь, сказал Веня. – Тимур! Тимур, к тебе гостья...

– Нет-нет, я только заказ передать, и все! – попятилась назад Белла. Она немного стеснялась Тимура.

Из ворот вышел Тимур – высокий, плотный, тоже в синем комбинезоне, клетчатой ковбойке и армейских шнурованных башмаках. Темные, коротко стриженные волосы с островками седины – Тимуру было около сорока.

– Привет, Тимур, – сказала Белла, завороченно уставившись тому в лицо – каменное, мрачное, с глыбами скул и непоколебимо сжатыми губами. Лицо главного героя из какого-нибудь фильма-боевика.

Долгая пауза.

Глядя на Тимура, Белла, как всегда, остро ощутила, насколько она *другая*, отличная от него – легкомысленная и несерьезная.

– Здравствуй, Белла, – наконец разжал свои губы Тимур. – Проходи.

– Нет-нет, я только передать заказ... Я на минутку!

– Проходи. Поговорить надо, – упрямо повторил тот.

– Да-а?... – озадачилась Белла. О чем это с ней хочет поговорить Тимур? Сроду он такого желания не изъявлял, а тут – здрасте, поговорить...

Девушка прошла вслед за мужчиной в здание автомастерской.

– Сашок, Веня, карбюратор проверьте еще раз. И кузов там в одном месте подкрасить надо. Белла, ты чаю хочешь?

– Чаю? Можно... – Девушка вслед за Тимуром зашла в его кабинет – небольшое помещение за стеклом. Здесь стояли стол, сейф, на полках чередовались разноцветные папки с документами. Отсюда было видно, как помощники Тимура возятся возле почти готового вездехода.

Тимур налил из электрического чайника кипяток в стакан, в котором уже лежал пакетик с заваркой.

– Садись. Да ты расстегнись, тут жарко, – буркнул Тимур. Себе чаю он не налил. Сел за стол, принялся вертеть в руках какую-то железку.

Белла скинула свой пуховик – под ним был темно-синий спортивный костюм, села в вертящееся кресло.

– Сестра как? – спросил Тимур.

– Хорошо.

– Скоро свадьба?

– Да.

– И чего потом?

– Они в Москву уедут, чего им тут оставаться? – пожала плечами Белла. – Гена же москвич!

– Да, повезло твоей сеструхе... Отхватила москвича. А ты? Они тебя с собой берут? – не глядя на Беллу, мрачно спросил Тимур, продолжая вертеть в руках железку.

– Нет. Зачем? У Гены однокомнатная квартира... И вообще, к чему я им? Они молодожены... Москва, Москва! – рассердилась вдруг Белла. – Далась всем эта Москва! Она ж не резиновая! Чего я там не видела... Конечно, буду к ним в гости приезжать, но это потом.

– Значит, остаешься. И что будешь делать?

– То есть? – немного растерялась она. – Что всегда делала, то и буду...

– Библиотеку закрывать не собираются?

– Да кто ж ее закроет!

– Все равно, ты копейки там получаешь.

– Я еще керамику на продажу делаю, у меня Араз сувениры оптом берет! По сто, по две-сти штук, – напомнила Белла. – Знаешь, в начале апреля приезжал из Михальска, все купил... Говорит, на майские будет продавать.

– А потом лето! Никаких распродаж до осени. Твоя керамика – то густо, то пусто. Ненадежное ремесло.

– И что ты предлагаешь?! – рассердилась Белла. – Ну вот к чему, к чему ты все это говоришь?.. Ты что, издеваешься надо мной? Что это за разговор такой дурацкий, а? – От досады она едва не расплакалась.

– Белла, успокойся. Сядь. Я это не просто так говорю. Я... хочу на днях к вам зайти.

– Да? А зачем?

– Свататься буду.

– К кому? – удивилась Белла. – У Анжелки же есть уже жених!

– К тебе я свататься буду! – буркнул Тимур, отвернувшись.

– Ко мне?! – страшно поразила Белла. «Господи, да он же старый... Хотя какой же он старый – мне двадцать восемь, ему сорок. Всего-то двенадцать лет разницы... Но у него дочь! И что – дочь... Дочь разве помешает?» Белла так растерялась – и не знала, что думать.

– Тебя что-то смущает? – холодно спросил Тимур.

– Н-нет... Но... Можно с тобой откровенно? – Белла на своем кресле придвинулась к нему ближе.

– Конечно. И можно, и нужно.

– Я хочу, чтобы меня любили. Хочу любить сама. Ужасно хочу. Я... я умру, если в моей жизни не будет всего этого, понимаешь? – сказала Белла, глядя Тимуре прямо в глаза.

Показалось ей это или нет – но скулы у Тимура как будто слегка зарозовели. Он ответил твердо:

– Я буду тебя любить.

– Нет, не так. Ты должен очень-очень меня любить! – серьезно произнесла она. – Я сумасшедшая. И глупая. Я странная. Ты должен знать обо мне всю правду! И я все время мечтаю, у меня в голове одни мечты... а разве такая тебе жена нужна, Тимур? – нахмурила брови Белла.

– Откуда ты знаешь, какая мне нужна жена?

– Мне кажется, тебе нужна другая жена. Серьезная, основательная, у которой по каждому вопросу свое мнение...

– Да, ты веселая и легкая, но, сколько я за тобой наблюдаю, ты живешь правильно и честно. Ты не гулящая. Не пьешь, работы не боишься... Ты верная.

Тут уж настала очередь Беллы покраснеть.

Тимур только что напомнил об одной давней истории. После школы у Беллы был роман с Алешей Берковым. Она три года ждала его из мореходки. Потом еще два года, когда Алеша остался на Дальнем Востоке и кормил Беллу обещаниями, что вот-вот, и она сможет к нему переехать... Не случилось. Алеша теперь женат, живет во Владивостоке, капитан, у него двое детей.

– Ты будешь хорошей матерью, – продолжил Тимур. – В семейной жизни что главное? Чтобы женщина заботилась о своих детях. Ты будешь заботиться, ты не кукушка. Ты ведь хочешь детей?

– Очень.

– Вот... А Люська моя – не помеха. Ей шестнадцать. Она сейчас в интернате учится, в Томске, а в следующем году будет поступать в институт, на экономиста. Она умная девчонка. Меня уважает и тебя тоже станет уважать.

Белла кивнула.

– Белла!

– А?

– Чего ты молчишь? Ты согласна?

– Стать твоей женой? Ой, как все это неожиданно... – Девушка всхлипнула, засмеялась, затрясла головой. – Не могу в себя прийти... А ты меня любишь? Как давно ты меня любишь? Ты говорил, что наблюдал за мной...

– Год, – подумав, изрек Тимур. – Год назад я о тебе стал думать. Весной. Ты прошла мимо – волосы, фигура... ты сама как весна была. Только я сказать боялся.

– Боялся! – засмеялась Белла удивленно.

– Белла, так ты согласна? – настойчиво спросил Тимур. – Мне приходится к вам свататься? «Он хороший. Лучше я никого не найду!»

– Да, приходи, – вздохнула она.

– Отлично. Я тебя провожу. – Тимур встал, помог ей влезть в пуховик.

Они прошли мимо Вени и Сашка, возившихся с вездеходом.

– Белла, пока!

– Белла, до свидания! – Веня, застенчиво и тоскливо улыбаясь, смотрел на девушку.

Белла ему нравилась, но он, как и всякий меланхолик, необыкновенно чуткий ко всяким мелочам – выражению лиц, жестам, интонациям, взглядам, – кажется, уже догадался обо всем. Догадался, что о Белле теперь и думать нельзя. Она – для Тимура.

...Белла с Тимуром вышли за ворота. Уже темнело.

– Тебя проводить?

– Зачем? – изумилась Белла. – Нет-нет, я сама дойду. Мы же не в Москве живем, у нас все спокойно...

Тимур повернул девушку к себе, прижал к груди, отчего ее голова запрокинулась, и поцеловал.

Мгновение Белла сомневалась, а потом ответила на его поцелуй – «ах да, он теперь мой жених!».

– Скажи, что любишь, – потребовала она.

– Что? – невнятно, задыхаясь, пробормотал Тимур. Он теперь лихорадочно целовал ее в щеки, лоб, губы. – Я тебя люблю.

Он произнес эти слова с усилием, явно заставив себя. Вернее, это Белла буквально вырвала у него признание. Но, едва Тимур сказал это, он засмеялся негромко (Белла еще никогда не слышала его смеха). Засмеялся с таким облегчением, с такой радостью, с удивлением... Видно, самому себе удивлялся.

– Я тебя люблю. Я тебя люблю. Я тебя люблю! – с мрачным восторгом повторил он. – Я тебя *правда* люблю.

Он с треском распахнул на ней пуховик (это кнопки затрещали – словно автоматная очередь), обнял Беллу за талию. Прикоснулся к ее груди ладонями, провел вдоль бедер. Он распалился сразу и мгновенно – и это мужское желание испугало Беллу своей неотвратимостью.

– Нет... Что ты делаешь!

Но она плохо знала Тимура (желание желанием, а еще и характер – железный!) – тот заставил себя отшатнуться, вновь запахнул на ней пуховик.

– Все, не буду. Все.

В сумерках его лицо казалось искаженным, страшным.

Белла протянула руку и легонько прикоснулась к его щеке. Колючий.

– Бабочки... словно бабочки летают! – прошептал Тимур, словно в забытии. – Еще.

Белла, едва прикасаясь, гладила его по лицу – долго, пока рука у нее не устала.

– Я тебя люблю, – с нежностью повторил Тимур. – Если тебя кто-то обидит, я убью этого человека.

– Меня никто никогда не обижал.

– Ты самая красивая.

– Анжелка говорила, чтобы я приделась. Этот платок, этот пуховик дурацкий... Я не думала, что все так будет!

– Нет, ты в любой одежде – самая красивая. Я вижу тебя сквозь одежду, – возразил Тимур.

«Как это? Он видит меня голой?! Хотя, наверное, это он в переносном смысле...»

– Я пойду. Анжела будет волноваться.

– Иди. Нет, стой, – он опять поцеловал ее и опять пришел в отчаяние от своего желания. – Иди уже! Иди! Стой. Господи, да я не знаю, как тебя отпустить-то теперь... Я будто от себя кусок мяса отрываю. Понимаешь? – с удивлением, ужасом произнес Тимур. – Ладно, иди уже, Белла. Завтра заказчик из Таежного приедет, вездеход надо доделать...

– Пока, Тимур. До встречи!

Обратно пришлось идти другой дорогой – в сумерках Белла давешнюю лужу без потерь не преодолела бы.

На центральной площади, возле магазина, горел фонарь, возле него всегда собиралась местная молодежь. Вот и сейчас – толпа подростков. Они пили пиво, курили, орал магнитофон. Пойти еще куда-то у этих ребят не было никакой возможности. Чем еще заняться – они не знали. Точно мотыльки, бессмысленно вились возле единственного на площади фонаря.

Тимур не захотел, чтобы его дочь, Люся, оставалась здесь, под фонарем. Он устроил ее в хороший интернат в большом городе, нацелил на учебу. Тимур был замечательным отцом.

«А его жена, кто она? Не помню... И где она сейчас?»

Белла свернула на свою улочку. Было совсем темно, дорогу освещал свет, льющийся из окон домов.

– «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» – принялась вслух декламировать Белла.

Пробежала по двору, взлетела на крыльцо.

– Анжела, ты в курсе, где сейчас бывшая жена Тимура? – зайдя в дом, с порога крикнула Белла, скидывая с плеч надоевший, жаркий пуховик.

Из гостиной выплыла сестра, на этот раз в парчовом разноцветном халате.

– Жена Тимура? А, Нинка! Так она сейчас в Михальске живет.

– А почему они с Тимуром развелись?

– Да она какая-то никчемная, ленивая. Плохая мать.

– Как это? – Белла босиком пробежала в ванную.

– Их дочь, Люся, с матерью сначала жила – ну, когда Тимур с Нинкой развелся, – охотно принялась объяснять Анжела, следуя за младшей сестрой. – Нинка – из Михальска. Так вот, отправили Люсю там в школу. И как пошли у девочки двойки да тройки, с самого первого класса... Тимур терпел-терпел, а потом и забрал девочку к себе. Люся у нас в школе училась. У нас же начальная школа хорошая... Подтянулась, пятерочницей стала. А потом старый директор помер, ну ты помнишь... И черт-те что стало. Испортилась школа! В общем, доучилась Люся до конца седьмого класса, и тогда Тимур ее в интернат сдал, в Томске. Хороший, дорогой, платный! – важно произнесла Анжела. – Сам ездит туда постоянно, у него все под контролем. Его там все знают, Люську пальцем тронуть не смеют. Но она сама за ум взялась, как Тимур ее к себе взял. На золотую медаль идет! И ведь выбьется в люди, я тебе говорю! Люська отца обожает. Он ее, можно сказать, человеком сделал!

– Потрясающе... – Белла прошла на кухню, заглянула в холодильник.

– Давай сама бутерброды сделаю... Я поужинала, но с тобой посижу, за компанию. – Анжела принялась методично резать колбасу и хлеб. – А почему ты о Тимуре спросила?

– Анжелка, ты хорошо сидишь? Нож, нож положи пока... Тимур мне только что предложение сделал, – торжественно произнесла Белла.

– Как?! – От избытка чувств старшая сестра прижала к груди батон колбасы. – Тимур тебе руку и сердце предложил?

– Да. И я согласилась. Он на днях к нам зайдет. С тобой побеседовать хочет.

– Ой... Ой, не могу... Белла!!! Так это же счастье какое! Гена, ты слышишь? Тимур Беллочке предложение сделал!

На кухню выскочил Гена – будущий зять. Тихий, основательный, рассудительный мужчина лет сорока. Особой красотой Гена не отличался – лысоват, низковат, тощеват, – но за душевные качества Белла сильно уважала будущего родственника.

– Тимур нашей Белле предложение сделал? – деликатно прошелестел Гена. – Беллочка, поздравляю.

Он сел за стол рядом с Анжелой, с интересом уставился на девушку.

– Геночка, бутерброд будешь? Кушай, кушай... Белка, вина достань – того, из ирги, я в прошлом году делала... Как говорится, нет повода не выпить. Но мне только полрюмочки, все-все-все...

Белла разлила по маленьким стопкам вино.

– За тебя. Это такое счастье, такое счастье! – причитала Анжела. – У меня же как сердце за Беллу болело, Геночка! – обратилась она к жениху. – Думала: вот, уедем, а она тут одна.

А теперь не одна! Теперь она при Тимуре! А Тимур, он такой человек... Белка, лучше его ты никого и нигде не найдешь. Золото, не мужик.

– Поздравляю, – Гена чокнулся с Беллой. – А жить где будете?

– Я не знаю, – пожала плечами Белла. – Мы с ним еще не говорили об этом.

– У Тимура они будут жить, где ж еще! – с воодушевлением произнесла Анжела. – Белла, ты у Тимура дома была? Нет? А я заходила к нему неделю назад, когда он мне шторы пошить заказал. Ох, красота! Он ремонт сделал, мебель заказал, все такое у него супер-пупер... Телевизор тоненький на стене висит, техника самая разнообразная, кухня – о-бал-денная, как из журнала... И шторы я ему под интерьер сделала!

Гена маленькими глотками допил вино, потом задумчиво произнес:

– Это что тогда получается? Мы уедем в Москву, Белла у Тимура... Надо дом продать. Срочно. Зачем добру пропадать?

– Что? – встрепенулась Белла.

Мысль о том, что она расстанется с родным домом, если сойдется с Тимуром, еще не приходила Белле в голову. Она любила этот дом. Здесь жили родители, бабушка... Здесь каждая вещь напоминала о детстве, о юности... Все было таким уютным, нестерпимо милым!

– Нет! – испугалась Белла. – Нет! Я ни за что и никогда... Нет!

Анжела принялась ее уговаривать расстаться с домом («нам хорошие деньги дадут, пополам поделим!»), но Белла – ни в какую.

– Белла, но это неразумно... – вступил в разговор Гена, но девушка и его не захотела слушать:

– Нет, нет, никогда!

– Ладно-ладно, потом обсудим, – забеспокоилась Анжела и сменила тему: – Белла, а как там, вскрылся лед на реке?...

– Что? Какой лед? А, лед... Представляете, нет! Говорят, что река промерзла на несколько метров и ледоход будет очень сильным, особенно после нынешнего резкого потепления. Внезапным и страшным! Может мост снести, представляете? То есть наш поселок окажется буквально отрезан от всего мира!

– Как это? – испугался Гена. – Это что же... А если кому уехать надо?

– Уж не уедет! – воскликнула злорадно Белла. – Придется ждать, пока мост не починят, а это неизвестно сколько...

– А если кто-то сильно заболит? – не отставал Гена.

– Говорят, в таких случаях вертолет будут вызывать. Но лучше не болеть, конечно. Лед вот-вот вскроется. Сегодня ночью, завтра... В крайнем случае, послезавтра! – выпалила Белла все, что знала.

– Ладно, я спать пойду... Устал! – Гена с озадаченным, встревоженным видом вышел из-за стола, зашаркал в спальню.

– Анжелка, я ни за что и никогда не позволю продать дом! – зашипела Белла.

– Тише-тише, потом обсудим. Сейчас, конечно, сама мысль о продаже тебе невыносима... Потом! – ласково произнесла Анжела. – Завтра или послезавтра... Ой, а сейчас сколько? Полдесятого? Заключительная же серия! – паническим шепотом закричала сестра.

– Заключительная серия! – опомнилась и Белла, забыв обо всем на свете. Метнулась к стоявшему на холодильнике телевизору, включила его.

Сестры обожали отечественные сериалы. В последнее время они, эти сериалы, стали такими интересными, яркими... И ведь все как в жизни!

«Навсегда твоя» – история о девушке Анфисе из далекого сибирского городка. У Анфисы был жестокий муж, который держал бедняжку в черном теле – заставлял работать по дому, никуда не пускал, детей не любил и потому запретил Анфисе рожать. Буквально заставил жену сделать аборт, после которого врачи сказали Анфисе, что детей у нее никогда не будет.

Однажды в городок заехал молодой художник Стас, москвич. Он увидел Анфису и попросил ее на время стать его натурщицей.

Женщина согласилась, хотя знала, что муж ей голову оторвет за подобные «художества». Но к этому времени Анфиса была настолько измучена придирками, что ей захотелось сделать что-нибудь мужу назло. Это был ее протест – уж так надоела эта безрадостная и тоскливая жизнь!

Анфиса тайком приходила к Стасу, и тот рисовал ее, рисовал, рисовал... Пока они друг в друга не влюбились. Но об этом узнал муж героини и затеял хитроумную интригу – как будто за Стасом из Москвы приехала его жена. Хотя у Стаса никакой жены в помине не было! На самом деле в роли «жены» выступила актриска из местного драмтеатра, с которой, кстати, у Анфисино мужа был роман.

Анфиса заревновала Стаса и не пришла на очередной сеанс рисования. А муж переслал художнику письмо, якобы от Анфисы, в котором та сообщала, что больше не любит его, поскольку семья ей дороже.

Стас с горя уехал к себе в Москву (причем Анфиса так и не догадалась, что муж знает о ее связи со Стасом! Дело в том, что муж решил исправиться, он понял, как любит жену, и даже с актриской расстался). Но вот случайно Анфиса встретила ту самую актриску. «Как так, ведь ты же невеста Стаса, ты меня просила оставить его в покое!» – «Никакая я не невеста, а муж твой негодяй, он все подстроил, а потом сам меня бросил».

Итак, Анфиса узнала, что, во-первых, муж ей изменял, а во-вторых – Стас не переставал любить Анфису.

И тогда женщина рванула за Стасом в Москву. Но точного адреса Анфиса не знала! И деньги у нее кончились! Поэтому она была вынуждена устроиться в какое-то кафе официанткой, и начальник в нее влюбился, и все увидели, какая Анфиса талантливая, то есть креативная – ведь она знала рецепт приготовления особых пирожных... А Стас тоже узнал от той актриски, что Анфиса в Москве (актриску пригласили на съемки).

Стас искал Анфису, а Анфиса – Стаса. Они то приближались друг к другу, то отдалялись, то встречались, то расставались.

И это были такие необыкновенные, фантастически интересные приключения двух влюбленных в огромном городе – Анфисы и Стаса, что оторваться от телевизора было невозможно.

Поэтому Анжела и Белла, наплевав на все перипетии своей собственной жизни, так и прильнули к экрану. Заключительная серия! А обо всем остальном они смогут переговорить завтра...

Итак, последняя серия. Стаса посылают на выставку в Милан, начальник делает Анфисе предложение руки и сердца. В это время Анфиса ждет ребенка (когда Анжела об этом услышала, то принялась безудержно рыдать – какое чудо, какое счастье!). Но не может же Анфиса оставить ребенка безотцовщиной? Начальник готов взять ее в жены прямо с чужим ребенком. Кажется, Анфиса и Стас никогда не встретятся. Но в последний момент, перед дорогой в аэропорт, Стас заходит в одно модное кафе пообедать. А там такие вкусные блюда! Он хочет лично поблагодарить повара, идет на кухню... и видит Анфису, которая, заливаясь слезами, лепит пирожные.

И – сладкая, сладкая сцена встречи, примирения, узнавания, объяснения... естественно, Стас уже никуда не летит, Анфиса замуж за начальника не выходит.

Влюбленные – вместе, навсегда, и у них будет сын (УЗИ показало, Анфиса ходила к доктору, еще перед встречей со Стасом – Анжела в этот момент опять принялась безудержно рыдать).

Хеппи-энд.

– Господи, какое кино замечательное... – смахивая со щек слезы, с трудом произнесла Анжела.

– Чудо! – согласилась Белла. – Ой, а сейчас начнется фильм о фильме... как его снимали. Будешь смотреть?

– Конечно, буду! Спрашиваешь! – возмутилась сестра.

В фильме о фильме подробно рассказали об актерах, в нем играющих. Об актере, исполняющем роль Стаса, – где родился, на ком был женат, почему развелся и т. п. Об актрисе, исполняющей роль Анфисы (боже, у этой девушки уже двое собственных детей!). Об актере, исполняющем роль мужа-злодея (такой милый, хоть и злодей. По-человечески жаль этого мужа).

Потом рассказали о режиссере. Об операторе. О музыке. О сценаристе... На сценаристе Анжела сломалась и ушла спать.

А Белла досмотрела передачу до конца.

И вдруг подумала – как несправедливо, что о сценаристе рассказали так мало. В сущности, ведь именно он один придумал эту историю. Если бы он не написал ее, то кого бы стали играть актеры? Какую бы музыку смог придумать композитор, на какую тему? Что бы снял оператор, каким бы гениальным он ни был? А режиссер – он-то вообще самый последний человек в киношном деле, если подумать – за него уже все давно придумано, ему только актеров перед камерой расставить, и все!

Зрители – такие, как она, Белла, или Анжела, – они ведь плакали именно над ИСТОРИЕЙ, а историю придумал он, сценарист Денис Африканов.

Кстати, сценарист сам по себе был очень интересный мужчина – небритый, с лохматыми черными волосами до плеч, с застенчивыми синими глазами. Он мало говорил и, видимо, сильно стеснялся. Значит, был человеком скромным, не страдающим звездной болезнью.

– Я надеюсь, что придумал красивую историю, которая понравится зрительницам... – промямлил Денис Африканов смущенно.

– Откуда вы берете свои сюжеты? – спросил его ведущий передачи.

– Я? – надолго задумался сценарист. Потом вздохнул и продолжил: – Из жизни, конечно...

Далее на телеэкране сменилась картинка, и Африканов, уже в меховом рыжем (из лисы, наверное?) жилете неприкаянно бродил по какому-то красивому месту и смотрел по сторонам – на дома, на людей, на деревья, – словно искал кого-то или мучительно пытался вспомнить нечто важное, судьбоносное, от чего зависела вся его жизнь... Причем сценарист в этом жилете был больше похож на разбойника из леса, чем на человека пишущего, интеллигентного. И это тоже подкупило Беллу – значит, Африканов далек от всего внешнего, наносного. Смотрит в самую суть!

– Денис Африканов признался мне, что находит свои сюжеты прямо на московских улицах, – задушевым голосом произнес ведущий за кадром. – Он живет в самом центре Москвы, на Чистых прудах. Чтобы придумать историю, ему достаточно выйти из дома, окунуться в кипящую вокруг жизнь... А жизнь – она сама подскажет, о чем писать!

Африканов на экране сорвал с ветки дерева листик, задумчиво понюхал его и опять вздохнул. Засим картинка уменьшилась, съехала в угол, и по экрану поползли титры.

Двенадцать тридцать ночи – показывали настенные часы.

* * *

Следующим днем было воскресенье. Никуда идти не требовалось, и Белла решила выспаться как следует.

Но это ей сделать не удалось – рано утром Анжела и Гена о чем-то принялись спорить. Вернее, спорила Анжела – это ее голос разбудил Беллу. Гену почти не было слышно – бу-бу, бу-бу-бу... Впрочем, на скандал это не походило – так, будущие молодожены обсуждали нечто важное. Неравнодушно, но без истерики. Наверное, опять о продаже дома спорили!

«А ведь правда придется продать! – с тоской подумала Белла. – Если Анжела с Геной уедут в Москву, а я переберусь к Тимуру, то зачем этот дом? Кому он будет нужен?»

Белла с капризным, недовольным стоном села на кровати, отбросила волосы назад, огляделась.

Ее комната – большая, уютная. Кровать с пружинным матрасом, огромный бабушкин шкаф из дуба, массивный стол. Комод – еще от прабабки, черный, резной, тяжелый – просто так ни один ящик и не выдвинешь, надо приложить усилие...

В углу – книжный шкаф. Красный абажур под потолком.

Весь дом (комната Анжелы, гостиная и кухня) был заполнен старой, добротной мебелью. Везде красивые занавески, скатерти, ковры в технике «пэчворк» (творения Анжелы), керамические фигурки (изделия Беллы). Газовое отопление – всегда тепло в доме, хоть босиком можно ходить зимой по полу. Водопровод (правда, только холодная вода, но на этот случай был куплен водонагреватель). Ванна. Канализация в доме (не какой-то там туалет типа сортир!).

Все, все в этом доме было добротным, надежным, тяжелым, основательным, созданным на века. Да, несовременно, просто – но в том и заключалась вся прелесть.

Воздух в доме пах деревом, сухими цветами, чем-то сладким и чистым (как при бабушке, детством до сих пор пах!).

А свет? В доме было удивительное освещение: солнце перебиралось из одной комнаты в другую, в течение дня мерцая то розовыми рассветными бликами, то переливаясь оранжевым закатным блеском на половицах...

Летом, когда окна были распахнуты и дышала, трепетала белоснежная кисея возле прозрачных, начисто вымытых стекол – так легко становилось на душе!

А зимой, зимой – в сиреневых, синих сумерках, под абажуром – как уютно было сидеть за столом, играть с Анжелой в лото (до сих пор играли!)...

В этом доме никогда не творилось зла, здесь жили добрые, честные, любящие друг друга люди. Здесь даже стены лечили. Мир, утешение, покой – золотой пылью вспыхивали в солнечных лучах.

Отец сестер работал бухгалтером на молокозаводе, мать – медсестрой в больнице. Отец ворчал, что живет в бабьем царстве, иногда говорил, что ему не хватает сына – они бы с ним на охоту ходили, уток стреляли... А с девчонками какая охота? Вон, на стене ружье зазря висит! Один раз отец взял с собой младшую дочь, самую бойкую. Но Белла так и не смогла выстрелить. Когда отец стал учить ее, что передернуть и куда нажать, она зажмурилась, затрясла головой и заплакала – птичек жалко! Так и не принесли в тот день добычи. Но на самом деле отец обожал своих дочек, жену... Он нежился и купался в их любви.

После смерти отца с матерью ружье пришлось продать. Совсем ни к чему оно было... Белла без слез не могла на него смотреть.

Но как расстаться с этим домом?!

Умом девушка понимала, что нельзя вечно жить здесь, что нужны перемены. Москва ждала Анжелу, Тимур – Беллу. Семья, дети, любовь! Разве не это главное? Но сердце Беллы словно намертво прикипело к этим стенам.

Будет очень больно.

Белла, уже смирившись с расставанием (и с сестрой, и с домом), предчувствуя грядущие слезы, вылезла из постели, оделась. На душе у нее было тяжело.

«Анжеле тридцать шесть. Это счастье, что она встретила Гену, что тот полюбил ее... Надо найти его, сказать, что я согласна на продажу дома!»

Белла вышла из комнаты.

Анжела готовила на кухне завтрак. В новом голубом халате, с голубой лентой в волосах. Сестра была шире, пышней Беллы, монументальней, но Белла никогда не считала себя красивее Анжелы.

– Где Гена? – первым делом, поздоровавшись, спросила Белла.

– Ушел по делам. Хочет найти работу, – устало произнесла старшая сестра. – Мы же в конце лета переезжаем, он хочет денег поднакопить...

– Анжела, я согласна продать дом! – выпалила Белла.

– Да? Милая ты моя! – Анжела ахнула, обняла ее. – Садись, сейчас омлет тебе положу. С помидорами, сыром, как ты любишь.

– Вы ссорились?

– Нет, но...

– Ничего, все будет хорошо. Гена вернется, я его обрадую – про дом.

– Да, да... Я вот думаю – какая дорогая жизнь в Москве! – хлопоча у плиты, щебетала Анжела. – Но я пойду работать. Гена говорит, у него есть знакомая в ателье, она меня устроит. А он всегда работу найдет – строитель же! Ему должность прораба обещают.

– Строители в Москве всегда нужны, – согласилась Белла. – Это у нас безработица, а там...

– Это просто чудо, что я встретила Гену!

Историю знакомства сестры с будущим мужем Белла знала наизусть. Гена приехал в Михальск к бывшему армейскому сослуживцу, в гости, но сослуживец внезапно умер (все тот же алкоголизм). Гену обокрали. В Михальске работы не было, он подался в Иргу, чтобы заработать денег на обратный билет до Москвы. И тут увидел Анжелу, Анжела предложила ему отремонтировать сарай. Гена сарай отремонтировал, да так и остался в доме.

Гена был тихим, добрым человеком, очень спокойным и ласковым. Он влюбился в Анжелу с первого взгляда и буквально через неделю после знакомства сделал ей предложение.

И Анжела, и Белла не могли поверить в такое счастье. Вернее, Анжела сразу поверила, а Белла немного засомневалась. Она даже сделала кое-что нехорошее, а именно: выкрала у Гены паспорт (а вдруг тот женат уже?! И врет про Москву?!) и подробнейшим образом просмотрела каждую страничку.

Но Геннадий Андреевич Мостовой, сорока лет, был холост, детей не имел и прописан в Москве: на улице Чусовой, в доме семь, квартире десять...

Белла положила паспорт обратно, и с тех пор ее терзало чувство вины перед будущим зятем. Как она могла засомневаться в этом человеке!

– Гене тоже повезло с тобой! – справедливости ради произнесла Белла. – Ты замечательная, ты самая лучшая! И ты ведь не с пустыми руками к нему собралась...

Белла намекала на заветный сундучок. У Анжелы в комнате под кроватью, под половицами, стоял сувенирный сундучок с деньгами. Двести тысяч рублей – огромная сумма! Все, что Анжела накопила за свою жизнь, работая в Ирге швеей. Гена о сундучке знал – он как-то со вздохом обронил, что хотел бы купить машину, да не хватает... «Теперь хватит!» – улыбнулась ему Анжела и рассказала о сундучке.

И это было справедливо – Гена дарил невесте Москву, а невеста ему в ответ дарила машину...

– И не только, – прошептала Анжела, поставив перед сестрой тарелку с омлетом. – Белка, не могу держать в секрете... Я знаю, я ему должна сказать первому... Но не могу! Белка, у нас с Геной будет ребенок.

– Анжела!.. – Голос у Беллы сорвался. От волнения она перестала соображать. – Ребенок... маленький! Племянник... родненький! Я тебя обожаю! – Она бросилась обнимать сестру.

– Тише, тише, задушишь... А может, племянница у тебя будет?..

– Обожаю тебя!

После слез, объятий, поцелуев Белла затихла, потрясенная важностью происходящих событий.

– А когда, скоро? – немного придя в себя, спросила она сестру.

– Когда ребенок родится? В декабре. Еще не скоро! – улыбаясь, рассеянно заметила Анжела. – Да ты ешь, омлет уже остыл почти... Кушать всегда надо вовремя, что бы ни случилось!

После завтрака Анжела отправилась к очередной клиентке – снимать мерки, а Белла – в свой сарай, тот самый, что отремонтировал Гена.

Именно здесь (чтобы не пачкать в доме) девушка создавала свою керамику. Месила глину, лепила, красила, здесь же находилась специальная печь для обжига.

Основной продукцией Беллы были сувенирные мишки. Их охотно покупали в Михальске. Еще Белла пыталась делать сервизы, причем на литературную тематику. Сделала один, по мотивам пьес Шекспира – селедочница в виде Офелии, плывущей по реке, сахарница в виде черепа Йорика, перечница с солонкой – Розенкранц и Гильдестерн, молочник – тень отца Гамлета, тарелки со сценами из «Ромео и Джульетты»... Много чего придумала, но Араз с большим сомнением купил у Беллы этот странный сервиз.

От него, от сервиза, остался только один предмет, одно напоминание: Белла слепила (уже лично для себя, отдельно) фигурку Гамлета. Причем в виде Гамлета она изобразила Веню. Как там, у Шекспира, Гертруда о своем сыне – «он тучен и одышлив...». Меланхолия, сомнения... Вылитый Гамлет – этот Веня, терзаемый изнутри страстями!

Итак, Араз просил Беллу больше не делать сервизы.

Да, и придумать новые варианты медведей – те, которые она привычно лепила раньше, «освоили» китайцы.

Это было, конечно, лестно для мастерицы – надо же, ее работы уже подделывают! – но медведи Беллы стали расходиться плохо. Они как-никак стоили дороже поддельных.

Правда, сегодня работа не заладилась, медведи не лепились – девушка все еще переживала новость, которую сообщила ей сестра.

Сжав в руках комок глины, Белла пыталась представить, как все будет. В конце лета Анжела с Геной уедут в Москву. В декабре Анжела родит, и Белла поедет в гости к ним... То есть на этот Новый год ей удастся съездить в Москву!

«Но я ненадолго... Я не буду им мешать! Я всего на пару дней. А то некоторые буквально на шею садятся своим родственникам, которые в столице живут. Ездят и ездят к ним, словно в гостиницу!»

Белла никогда не была в Москве.

Почти все вокруг ругали столицу («Ишь, из всей России кровь сосет!»), проклинали москвичей («Зажрались, снобы!»), но, наверное, никто не отказался бы от заманчивого предложения оказаться там, хотя бы ненадолго.

«Кремль, Третьяковская галерея... Тверская, Маросейка, Воздвиженка, Остоженка... Арбат! Какие названия у улиц! По этим улицам Пушкин ходил, Достоевский! Царь Петр, последний император Николай Романов, Ленин, Сталин, Солженицын... Там ведь, в Москве, куда ни приди, куда пальцем ни ткни – все дышит историей, везде напоминания об известных людях!»

Глина в руках Беллы скользила, вместо медведя лепился силуэт Спасской башни... «А Тимур? – спохватилась девушка. – Он меня отпустит к сестре? Да, конечно, отпустит, он же не зверь какой! И вообще, мы вместе туда поедem, в Москву. Тимур же тоже станет родным, семьей!»

Хлопнула дверь, в сарай ворвалась Анжела.

В пальто нараспашку, запыхавшаяся и взволнованная.

– Эй, ты чего? – улынулась Белла. – Гнались за тобой, что ли?

– Белка... Белка, Гена пропал!

– Как пропал?

– Так! Нету его нигде. Я у Светланы Игоревны была, летний костюм она меня попросила сшить, а потом за Геной пошла. У Прибытковых, кому он пристройку к дому собирался делать, Гена сегодня не появлялся. И у Смысловых – он им крышу обещал перекрыть... Я всех обещала, кого можно!

– Ты всю Иргу обещала?

– Нет. Всю Иргу я не смогла обещать, это нереально...

– Вот и успокойся, – рассудительно произнесла Белла. – Сидит твой Гена сейчас у кого-нибудь, нашел новых клиентов... По весне много кто ремонтом решил заняться!

– Ты не понимаешь! – топнула ногой Анжела. – Он мне вчера о Прибытковых говорил! Я специально хотела после Светланы Игоревны за ним зайти, поговорить... Мы ведь этим утром поцапались немного – на душе до сих пор кошки скребут.

– Найдется твой Гена, – отмахнулась Белла – она не позволяла себе сомневаться в надежности будущего зятя, особенно после того случая с паспортом...

– Ты думаешь? – вздохнула старшая сестра. – А то у меня прямо сердце не на месте... Мы ж никогда с ним не ссорились, только вот сегодня...

Анжела ушла. Белла еще немного повозилась с глиной, потом решила, что нынче не до керамики.

Вернулась в дом.

– Анжела, у меня нет вдохновения... Сейчас пойду к реке, – крикнула она. – Гена не пришел еще?

Из своей комнаты вышла Анжела.

– Белла... Белла, денег нет, – растерянно произнесла она.

– Каких денег?

– Моих! Ты забыла – в сувенирном сундучке, двести тысяч... Под половицами!

– Ты хорошо смотрела?

– Да. И еще... Я не все Генины вещи нашла... И чемодана его нет!

Сердце у Беллы сжалось – кажется, дело серьезное.

– Белла, я ничего не понимаю... – потерянно прошептала Анжела. – Он ушел? Гена меня бросил?

– С чего это он тебя бросить решил?! – возмутилась Белла.

– Мы поссорились... Но я не понимаю, зачем он деньги-то взял...

– Где его документы?

– И документов нет... Нет белья его, рубашек, брюк две пары исчезли... Одна спецовка в шкафу висит!

– Давай еще раз все проверим. Записки, бумаги... Он мог оставить записку!

Анжела с Беллой вновь обошли весь дом, заглянули во все шкафы, комоды, тайники. И, увы – ни заветного сундучка, ни документов Гены, ни его вещей, ни записок сестры так и не обнаружили.

– Ничего не понимаю... – сердито произнесла Белла. – Как такое могло произойти? Вы же и не ссорились почти! Не мог же он только из-за того обидеться, что я дом отказалась продавать... Да я и передумала уже – насчет дома!

Анжела заплакала.

– Перестань! – испуганно крикнула Белла. – Тебе нельзя волноваться!

Она порывисто обняла сестру.

– Белла... он меня бросил!

– Нет... Не может быть! А деньги-то зачем взял? Это какое-то недоразумение...

– Он ушел... Он меня бросил!

– Ты ему не сказала о ребенке?

– Нет... Я так жалею! Я еще вчера хотела сказать, но у Геночки день рождения второго мая – думала, дотерплю, сюрприз ему сделаю... – всхлипывала Анжела.

– Но вы же не ссорились, не ссорились, не ссорились! – страстно, нетерпеливо, упрямо воскликнула Белла. – То, что утром произошло – и не ссора вовсе! Что-то еще... Что-то еще, какая-то другая причина должна быть!

«Что вчера было? Да ничего... Впрочем, вчера вечером я сказала, что река вот-вот вскроется! – вспомнила Белла. – Но что в этом такого? Обычное природное явление... Хотя нет! Я добавила, что наш поселок может быть надолго отрезан от остального мира... То есть кто хочет уйти из Ирги, должен поторопиться. И Гена ушел! Но куда ему торопиться? Они же с Анжелкой только в конце лета собирались в Москву!»

– Может, Гена сам заметил, что я в положении? – Анжела опустила на стул, сложила руки на коленях. – Меня в последние дни тошнило с утра... Он это увидел и передумал жениться! Ведь сейчас не все на детей согласны... Жизнь такая тяжелая...

– Ага, жениться хотел, а детей не хотел! Дожил до сорока лет мужик и не хотел потомства... – возмутилась Белла. – А когда он, в шестьдесят лет собирался детей заводить? Уж тогда хотелка работать не будет! Уж тогда жить точно легче не станет!

«Не хотел... – эхом отозвалось у Беллы в голове. – Он и не собирался на Анжеле жениться. А тут одно к одному – догадался, что будет ребенок. Потом услышал, что лед на реке вот-вот вскроется и мост может снести... Он узнал, что я выхожу замуж за Тимура, и сразу о продаже дома заговорил. Еще денег с нас, двух дурочек, надеялся слупить! Но я вчера в категорической форме отказалась продавать дом! И что получается? Гена понял, что больше с нас денег не получит, и – смылся! Но кто же он тогда такой? Что же, только ради денег Анжеле голову морочил?!»

Белла подошла к сестре, опустила рядом на колени, взяла Анжелу за руки.

– Анжелочка, милая моя, самая любимая моя сестренка... – ласково начала Белла. – Я пока не знаю, что на самом деле произошло. Может, у Гены были причины взять деньги и уйти. Может, с ним случилось что, всякие-разные обстоятельства бывают... Как это... наезжали на него, вот! Эти самые, криминальные структуры!

– Он мог сказать мне... я бы все поняла! – дрожащим голосом, растерянно произнесла Анжела – из ее глаз катились крупные, прозрачные слезы. – Да я бы ради Гены... Я ради него с себя кожу живьем содрала бы!

Только сейчас Белла заметила, что ее сестра вовсе не так молода (36 лет, на восемь лет старше Беллы) и не так красива. Девушка словно увидела сестру со стороны – в первый раз.

Морщинки уже возле глаз, складочки возле губ, второй подбородок безвольно провисает... А сколько у Анжелы конкуренток – хотя бы она, ее младшая сестра! Сколько еще девчонков в Ирге молодых, здоровых, хороших... И как мало вокруг нормальных, неспившихся, работающих мужчин... Поистине, для Анжелы Гена был последним шансом. Сказочным принцем на белом коне!

И еще деньги эти – двести тысяч, заработанные так нелегко! Белла наклонилась, поочередно поцеловала руки сестры.

– Не надо ничего с себя сдирать. И не надо пока загадывать – все равно ведь не угадаем. Чего раньше времени судить? – продолжила Белла тихим, успокаивающим голосом. – Не будем ни судить, ни оправдывать Гену. Пока.

– А что делать-то, а? – прошептала Анжела.

– Я сейчас соберусь и поеду в Михальск.

– Зачем – в Михальск?!

– А куда еще? Там железная дорога, вокзал. Поезд из Томска до Москвы идет мимо.

– До Москвы?! Ты в Москву собралась? – От ужаса Анжела даже плакать перестала.

– Нет, конечно. Я его на вокзале поймаю, Гену. Поговорю. Все выясню.

– Ты думаешь, ты на вокзале его найдешь?

– А где еще? Куда ему еще податься? Он москвич, живет в Москве – сами его паспорт видели. Только на вокзал ему идти!

– Да, да... – согласилась Анжела, тяжело вздохнув.

– В общем, я его найду, поговорю с ним, все выясню. Может, верну его. Скажу, что ты все готова понять, простить, принять.

– Да, да...

– Ну, а если не найду, то... – Белла не успела договорить – сестра вновь принялась рыдать. – Анжела. Анжела, перестань. Прекрати истерику. Все хорошо. Сейчас поеду в Михальск. Всё. Точка. И вообще, Гена, может, еще сам вернется...

Сестра потихоньку успокоилась, с усилием улыбнулась:

– Беллочка, а как же ты пойдешь? Там же вот-вот лед вскроется? Это же опасно, мост может снести!

– Так я же не по льдинам скакать буду! Если мост стоит – по нему перейду. Уплыл – туда ему и дорога, домой вернусь.

– А... а если ты перейдешь на другой берег, а мост снесет?

– Тогда я у тетя Раи останусь! – весело воскликнула Белла. – Сто лет тетку родную не навещали... Ух, как она мне рада будет! Все, Анжелка, я побегу.

Белла быстро переоделась – натянула джинсы, схватила куртку (жара на дворе!). Кроссовки – на ноги. Что еще? Деньги, документы... Мало ли что.

Деньги – небольшая сумма – хранились у Беллы в комнате, в томике Пушкина. Слава богу, Гена до них не добрался. Кое-чего из одежды, из предметов первой необходимости...

Застегивая рюкзак, девушка заметила в окно, как мимо, по дороге, прошли Сашок с Веней. Потом еще люди. Сашок, кстати, вел под руку свою мать... «К реке идут. Наверное, смотреть, как лед вскрылся... Только бы успеть!»

– Анжелка, чао! – крикнула Белла весело. – Постараюсь поскорее вернуться... Но тут уж как получится!

– Чао, – растерянно, смятенно отозвалась Анжела. – Белла, чао...

Белла выскочила из дома, помчалась по дороге к реке.

На полпути нагнала Веню и Сашка с его матерью. Сашок – этот непутевый балагур – обожал свою старушку мать. Именно обожал – восхищался ею, вечно таскал за собой, подшучивал над ней, волновался о ней всегда, при каждом удобном случае приносил ей подарки и гостинцы... Хоть шоколадку, даже пьяный вдрызг (но это раньше было, до того, как стал работать у Тимура) – но Сашок дарил матери какую-нибудь мелочишку вечером, в конце каждого дня.

Маленькая, ветхая, в потертом черном пальтишке, Анна Тимофеевна буквально висела сейчас на локте своего сына.

– Маманя, ну ты ноги-то шустрей переставляй... – шутливо подгонял ее Сашок.

– Да я не могу шустрей. Голова кружится... Белла! – улыбнулась беззубым ртом старушка. – Куды? Тож ледоход смотреть?

– Здравствуйте, Анна Тимофеевна... Привет, Сашок! Веня, здравствуй! А что, началось? – взволнованно спросила девушка.

– Пошло дело! – улыбнулся Веня. Он, как всегда, принялся неотрывно глядеть на Беллу – с ласковой, безнадежной тоской.

– Венечка, я тебе подарок принесла... – Белла достала из кармана куртки фигурку Гамлета. – Это я тебя в виде принца Датского изобразила...

– Принца Датского... – хихикнул Сашок. – Слышь, мам? Она его Датским назвала... Как же, будешь при Тимуре Датским... Белла, он не датский, он в завязке!

– Да, насчет Тимура... – спохватилась Белла. – Вы ему, ребята, передайте, что я по делу в Михальск собралась.

– А что случилось? – с тревогой спросил Веня.

– Ничего... Пусть Тимур к Анжеле зайдет, она ему все объяснит, – улыбнулась Белла. «Расскажешь при Сашке, так он на весь поселок растрезвонит...»

В этот момент они всей толпой поднялись на пригорок и ахнули.

Внизу неотвратимо и стремительно двигался ледяной покров Ирги, уже весь потрескавшийся. Это было так странно – снег на земле растаял, а река – во льду...

Раз – и две ледяные глыбы поднялись, столкнулись – раздался треск, словно из пушки выстрелили ядром. В следующее мгновение рядом столкнулись еще льдины, образовав затор, и тут же были снесены мощным течением.

Лед грохотал, вздымался, опадал и продолжал стремительно нестись вперед. Ничто, никакая сила на земле не могла остановить это движение.

И жутко, и красиво... Стихия.

Именно это зрелище страстно жаждала увидеть Белла – и она дождалась своего.

– Боже мой... Вы посмотрите! – не владея собой, крикнула она. – О-о... Вот это да!

На некоторое время девушка даже забыла, что случилось и куда она должна идти.

– А-а! О-о! – заорала Белла, а рядом орали Сашок с Веней.

Неподалеку орали еще люди – те, кто тоже пришел к реке полюбоваться этим зрелищем.

Огромные глыбы льда со зловещим хрупаньем выламывались, вставали поперек движения, мешали другим льдинам – треск, хруст...

Внизу, в полукилометре, был мост. Оттуда слышались глухие удары.

– Ух ты, ёпрст... – присвистнул Сашок. – Мамань, глянь... Снесет же сейчас мост... Ой, твою мать... Слышь, как долбит опоры? Ну все, Белла, не попадешь ты сегодня в свой Михальск!

Белла ахнула (а вдруг она не успеет перебраться на другой берег?) – и побежала к мосту.

– Белла, стой! – крикнул ей вслед Сашок. – Ты погоди...

Но Сашок не мог оставить мать – он держал старушку под локоть, боялся отпустить, оставить одну – чтобы Анна Тимофеевна не упала без его поддержки.

За Беллой бросился Веня.

– Белла, стой... – задыхаясь, бежал он следом за девушкой.

У самого моста Веня нагнал ее, схватил за руку.

О мост колотились льдины, он буквально ходил ходуном.

– Белла, это опасно!

– Но мне надо в Михальск! Пусти...

– Белла, нет... – натужно просипел Веня, цепко держа ее за руку. – Ты... ты посмотри, что творится...

Он не договорил – очередная льдина с лязгом вздыбилась и рубанула по мосту.

– Венечка, пусти меня!

– Нет... Нет! – сипел Веня, и мешки под его глазами наливались чернотой. Кажется, у Вени была астма или что-то в этом роде... Белла не помнила, в данный момент она помнила только о сестре. О том, как подло поступил Гена с Анжелой. «Найду его – убью!» – мрачно подумала девушка.

– Веня!

– Белла, нет...

Она все-таки сумела вырвать руку и побежала к мосту. Оглянулась на миг – схватившись за грудь, Веня стоял, пытаясь отдышаться.

Белла без всякого страха ступила на мост. Она не думала о том, что рискует своей жизнью. Ей надо было догнать Гену, и все тут. Стараясь держаться середины, Белла побежала вперед.

Она чувствовала, как в опоры моста бьются льдины, как поверхность дрожит и содрогается у нее под ногами.

– «...капель до половины дня, потом, морозом землю скомкав, гремит плавучих льдин резня и поножовщина обломков. И ни души. Один лишь хрип, тоскливый лязг и стук ножовый, и сталкивающихся глыб скрежещущие пережевы!...» – кричала она, продвигаясь вперед.

Удар. Еще удар. Белла бежала так быстро, как только могла, и все дрожало перед ее глазами, точно она попала в эпицентр землетрясения.

Другой берег уже близко. Удар – ледяная крошка перехлестнула через Беллу. Новый удар – из-под моста раздался жуткий железный вой. Мост пошатнулся, осел.

От следующего удара он мог окончательно развалиться. Девушка в несколько прыжков достигла края, перепрыгнула разлом с вырванной, обнажившейся арматурой – этим краем мост крепился к берегу – и упала на сухую, пыльную, холодную землю.

И буквально в следующую секунду раздался новый удар, и мост все с тем же жутким воем развернуло по течению. Еще секунда – и сорвало другой край. Мост поплыл по реке, затем перевернулся, еще раз перевернулся, ныряя и выныривая...

Стоял гул и скрежет – льдины в самом деле словно *пережевывали* этот несчастный мост.

– Вот это да... – потрясенно прошептала Белла. Замешкай она немного – и сейчас ее тело пожирал бы ледоход.

Никогда-никогда она не была так близко к смерти. Зачем она рисковала? Почему? Потому, что у Анжелы были морщинки возле глаз. Потому, что у Анжелы дрожали исколотые иголкой пальцы рук. Сестру нельзя было обижать! (Хотя, если подумать, у Анжелы был бы разрыв сердца, если б она узнала, что Белла так рискует жизнью ради нее...)

Белла встала, отряхнула джинсы. На другом берегу стоял Веня. Белла помахала ему рукой. Веня помахал ей в ответ (к счастью, выражение его лица не было видно девушке с такого расстояния).

Белла поправила рюкзак на плече и зашагала в сторону автобусной остановки.

...Ирга – поселок городского типа. Не деревня уж то есть. В Ирге был район из пятиэтажек, в Ирге была центральная площадь и асфальтовые дороги... Но налет сельской безалаберности никуда не делся.

Вот в Михальске – иначе. Улицы, машины, высокие дома – все централизовано и упорядочено. Хотя и не в этажности опять же дело... Просто в Михальске уже не было того умиротворенного, расслабленного, деревенского настроения. Люди ходили подтянутыми, закрытыми какими-то, что ли...

И самой Белле захотелось подтянуться. Ей нравилось это ощущение города...

Она сделала пересадку на автовокзал и уже на другом автобусе доехала до другого вокзала – железнодорожного.

Там Белла первым делом бросилась в зал ожидания. «Ну, где же ты, друг сердечный?» – огляделась она по сторонам, ища взглядом Гену. В креслах спали люди, у барной стойки – алкаши какие-то...

Белла обыскала все здание вокзала и только потом догадалась взглянуть на расписание.

Поезд до Москвы прибывал в 22.00, то есть поздно вечером. Наверное, Гена решил прогуляться по городу. Но в Михальске искать его бесполезно...

И Белла отправилась к тете Рае – там она посидит, попьет чаю, а ближе к вечеру снова отправится на вокзал – и тогда уже Гена никуда не денется.

– ...Белла, детка! Милая моя, родная! Самая золотая девочка на свете! Самая любимая... – распахнула дверь тетя Рая – пожилая, интеллигентного вида женщина, со сложным

накладным шиньоном на голове. Тетя Рая работала гардеробщицей в театре и была из тех людей, кто физически не умел грубить и хамить. Она была настолько деликатным, добрым, трепетным созданием, что часто казалась окружающим неискренней. Этакой ломакой-притворщицей...

– Тетя Рая, у меня здесь куча дел... Ты даже не представляешь, что случилось. Сейчас расскажу!

Тете Рае, душевной женщине, можно было рассказать все.

– Чаю?

– Да, если можно... Ты извини, что я без гостинца, но тут такие проблемы... Ох, устала! – Белла одним движением сорвала с себя куртку и плюхнулась на стул возле дверей.

Конечно, тетя Рая сделала чаю и внимательнейшим образом выслушала племянницу, то и дело ахая, охая и заламывая руки. Белла вывалила на тетку все – как сестра познакомилась с Геней. Как Гена отремонтировал сарай, а потом сделал Анжеле предложение. Какие у Гены были планы и т. д. и т. п. И чем все это сватовство закончилось – бегством жениха и исчезновением денег.

– Беллочка, а паспорт-то вы его проверили? – взволнованно, прижав руки к сердцу, спросила тетя Рая.

– Конечно! Все чисто. Как не поверить человеку? Мы же с Анжелкой не параноики, не могли же постоянно подозревать этого Гену...

– Ой, беда-то какая! Анжелочка переживает, бедняжка...

– Не просто переживает, она еще и ребенка ждет! – выпалила Белла. – Я должна найти этого Гену, понимаешь, тетя Рай, – должна! Во что бы то ни стало!

Новая волна ахов и охов (слава богу, у Беллы хватило ума не пугать тетку рассказом о том, как она рисковала жизнью, перебираясь в ледоход через мост).

И только под конец, когда эмоции немного утихли, Белла вспомнила еще одну новость – что она теперь тоже невеста. Только настоящая...

– ...ты помнишь Тимура, тетя Рай? Вот он теперь мой жених.

– Тимур... Да, я его помню! Это же необыкновенный человек, замечательный! Не пьет совсем! И еще он автослесарь, да? Как же, я его прекрасно знаю! И Нинку, бывшую его, знаю, встречаюсь с ней иногда на улице...

– В общем, я приняла его предложение. Можно еще чаю?

Белла и тетя Рая выпили еще по чашке. Тетя Рая рассказала о последних театральных постановках и романе режиссера с одной травести. У режиссера была семья, а травести – такая интриганка...

– Тетя Рай, а ты смотрела «Навсегда твоя»?

– Сериал? Конечно! Изумительное кино...

За окном темнело.

– Сколько там? – спохватилась Белла. – Полдевятого? Я пойду, пора. Буду отлавливать Гену.

– Да-да, конечно, удачи тебе... – неожиданно тетя Рая задумалась. – Послушай, Беллочка... а во сколько, ты говоришь, поезд?

– В 22.00. А что?

– Это так, но... По-моему, есть еще поезд. Фирменный. В девять вечера, кажется... – растерянно произнесла тетка. – Или я чего-то путаю?

– О господи... – прошептала Белла. Вскочила, принялась лихорадочно одеваться. «Как же это я упустила из внимания, что есть еще поезд, фирменный... Тетеха!» – Тетя Рай, спасибо за все, побежала!

– Да ты не торопись, на этом фирменном и не ездит никто – уж больно дорогие билеты... Одни бизнесмены на нем катаются!

...Белла бежала из последних сил. Ворвалась в здание вокзала без пяти девять.

– Внимание! Уважаемые пассажиры, фирменный поезд «Томичанка» Томск – Москва прибывает на первый путь... Стоянка поезда – полторы минуты.

«Точно, меня это название – «Томичанка» – с толку сбilo! Не поняла, что это тоже поезд до Москвы! Но будем надеяться, что Гена у нас экономный, на фирменном поезде не поедет...»

Белла выскочила из здания вокзала на перрон. К вечеру похолодало. Уже стемнело, и при свете фонарей окружающая обстановка показалась Белле призрачной, ненастоящей... Запах железной дороги, откуда-то издаleка – грохот сцепляемых вагонов.

Головной вагон фирменного поезда плавно и вкрадчиво проплыл мимо Беллы, затерялся где-то вдаль, в черно-белых дискретных всполохах света... Вагоны катились мимо. Неужели поезд уедет? Машинист забудет нажать на тормоз?

Но нет, состав остановился, двери вагонов открылись, заскрежетали железные подножки...

– Ваши билеты, пожалуйста... Какое место? Проходите, это в самом конце вагона... женщина, ваш билет? Мужчина, возьмите ребенка на руки!

Вокруг сновали люди, полным ходом шла посадка. Белла даже не ожидала, что желающих прокатиться на фирменном поезде окажется так много. Видно, не одни бизнесмены его облюбовали!

Белла побежала вперед, к головному вагону. Затем назад... Она искала взглядом Гену, но толпа мешала.

– Девушка, не толкайтесь!

– Простите...

Внезапно Белле показалось, что она видит знакомый силуэт – двумя вагонами впереди от нее. Девушка бросилась туда, лавируя среди чемоданов.

Но – никого. Впереди – почти пустая платформа.

– Внимание, посадка на фирменный поезд Томск – Москва закончена...

Белла остановилась, прижав руки к груди – сердце так и колотилось. Все потеряно или еще не все? На этом поезде уехал Гена или есть шанс его найти?

Она пошла вдоль вагонов, заглядывая во все окна.

Состав дрогнул и медленно, плавно тронулся с места.

И вдруг в окне напротив Белла увидела Гену. Тот сидел в освещенном купе, на столе перед ним бутылка минералки – мужчина в этот момент откручивал у бутылки крышку. Выражение у Гены было то самое, так хорошо знакомое Белле – сосредоточенное и ласковое. Именно с таким лицом он сидел в их доме за обеденным столом.

– Гена! – закричала Белла, торопливо шагая возле окна. – Гена, зараза, что ж ты делаешь?!

Но мужчина ее не слышал.

Вскочить в поезд Белла уже не успевала – подножки подняты, двери закрыты.

– Гена!!!

Девушка уже бежала, надеясь докричаться до несостоявшегося зятя. Краем сознания вдруг вспомнила эпизод из «Воскресения» Льва Толстого – как Катюша Маслова тоже бежала вслед за поездом, в котором уезжал ее соблазнитель, от которого она ждала ребенка. В данном случае ребенка ждала Анжела, но что это меняло... Главное, что он, соблазнитель и вор, нагло удирал!

Белла уже не сомневалась в том, что собой представляет Гена. Аферист – вот он кто!

– Негодяй, негодяй, негодяй... – сквозь зубы прошептала девушка. Ее трясло, она была зла на себя. Упустила!

«Через час еще один поезд на Москву. Деньги у меня есть – на билет туда и обратно хватит, и еще тыщи три на мелкие расходы, паспорт с собой... Адрес Гены в Москве я наизусть помню! Он от меня никуда не денется!»

Эта мысль – догнать Гену в Москве – показалась Белле такой простой, такой логичной... Гениальной. «Вот только будут ли билеты? Говорят, сесть на следующий поезд желающих больше...»

Решительным шагом Белла направилась к кассе. Как и предполагала – билетов не оказалось. «Господи, помоги мне!» – в отчаянии взмолилась Белла.

И в этот момент к кассе подбежала какая-то женщина, решившая отказаться от поездки в Москву... И это было чудо – словно высшие силы и в самом деле решили помочь Белле.

Она все-таки купила свой билет удачи!

Час пролетел незаметно. Белла успела позвонить тетке и коротко сообщила той, что едет в столицу. Тетя Рая принялась ахать, но Белла положила трубку. Она не хотела, чтобы кто-то сбил ее настрой. А в десять вечера на перрон вокзала в Михальске прибыл второй поезд – обычный, не фирменный. Не сомневаясь ни на мгновение, Белла села в него.

Плацкартный вагон, боковое место, толкотня, тусклый свет ночников, хлопающая дверь туалета рядом... Девушку такие мелочи совершенно не волновали. Она сидела, прислонившись затылком к стене, и представляла, как испугается Гена, когда она, Белла, окажется на пороге его квартиры.

Почему они с Анжелой не могли сразу его раскусить?

А как раскусишь, когда он вел себя, точно образцовый герой из мелодрамы! Был ласков, вежлив, деликатен. Так красиво говорил Анжелке о любви... обещания всякие...

Гена был безупречен.

* * *

...Эта новость буквально сразила Тимура. Белла уехала в Михальск!

– А за каким она туда уехала? – недовольно спросил Тимур Сашка.

Этим утром приезжал мужик из Таежного – оплатил половину стоимости вездехода, вторую половину обещал отдать в следующем месяце. Мужик был надежным, хозяйственным, непьющим – можно было верить... Словом, утро выдалось у Тимура удачным. Бизнес шел хорошо, осталось только невесту в дом привести.

И вот такая незадача... Невеста, то есть Белла, уехала!

– А я откуда знаю! – развел руками Сашок. – Сказала: «Пусть Тимур к Анжелке сходит, она ему все объяснит!»

– Значит, ты не в курсе?

– Нет! Ты это... с Венькой еще пообщайся, – Сашок поскреб пятерней в затылке. – Ее Венька пытался задержать.

– Что значит задержать? – нахмурился Тимур.

– Ну как... Лед пошел на Ирге. А Белле в Михальск приспичило! А ледоход нынче лихой... Мост снесло, короче.

– Что-о? – Тимур схватил Сашка за грудки. – Мост снесло?! Так как же она на другой берег перебраться смогла?...

– Так, просто... она перебралась, а мост потом... того. Тимур, да ты пусти, я-то при чем?! – плаксиво возмутился Сашок.

– При том! – рявкнул Тимур, потряхнув своего помощника. – Лед пошел, а она на другой берег... Ты не должен был ее пускать!

– Да как я ее не пушу, если на мне маманя была... Я мамку под руки держал! Ежели бы отпустил – упала бы она... У ей гипертония! Что ж я, мать должен был бросить? – с обидой

произнес Сашок. – У меня одна мать, другой не будет... А за Беллой Венька побежал, ты с Веньки спрашивай!

– Ой, блин... – поморщился Тимур, оттолкнув Сашка. – Помощники! Ладно, давай к Анжеле.

Сели в «уазик», модернизированный Тимуром (не машина, зверь!), поехали на другой конец поселка.

«Что у них там случилось... И почему Белла меня не предупредила?» – маялся Тимур.

– В машине посиди. Я сам с Анжелой пообщаюсь... – Тимур вышел из «уазика», хлопнув дверцей. Лишних ушей он не хотел – семейное же дело!

Старшая сестра Беллы – Анжела – к счастью, была в этот момент дома. Открыла дверь.

– А, Тимурчик... Проходи, дорогой, – печально произнесла она. В гостиной орал телевизор – какое-то ток-шоу. – Сейчас звук потише сделаю.

– Я на кухню. Пить хочу.

– Там в графине морс, очень вкусный!

Тимур прошел на кухню, выпил махом стакан. Анжела ему всегда нравилась – спокойная, добросердечная женщина, очень хозяйственная. Замечательно шила. Не уродина. Тимур, когда задумался о женитьбе, рассматривал и ее кандидатуру. По возрасту опять же подходила...

– Что у вас тут происходит? – спросил Тимур, когда Анжела зашла на кухню. – Генка где?

– Даже не знаю, с чего начать... – вздохнула Анжела, сев напротив Тимура и положив полные, круглые руки на стол. – Горе у нас, Тимур.

Тимур заглянул ей в глаза. «И правда горе!»

– Анжела, я вам теперь не чужой.

– Я знаю, – кивнула женщина. – Поздравляю... Это счастье. Я за вас с Белкой рада. Ты хороший мужик, Тимур...

Анжела всхлипнула и вытерла слезы.

– Держись. Помогу, чем смогу, – сказал Тимур.

– Спасибо. В общем, бросил меня Генка... – Анжела, до того еще державшаяся, принялась беззвучно и безудержно рыдать.

– Слезы потом, – покачал Тимур головой. – Анжела, рассказывай, потом реветь будешь!

И Анжела, то и дело вытирая слезы, рассказала. Суть ее рассказа была очень простой: Гена забрал деньги и сбежал. Белла бросилась в погоню.

– Почему мне не сказали? Я бы сам с Геной разобрался, – мрачно произнес Тимур.

– Я не знаю... Не успели! – растерянно ответила Анжела. – Белла времени терять не захотела, скорей-скорей... Ледоход ведь!

– Мост сорвало, ты слышала?

– Да... – Анжела кивнула. Прижала ладони к щекам. – Тимур, а ведь я в положении...

Мужчина помолчал, с трудом удержался от того, чтобы не выругаться. Произнес только:

– Вот они, москвичи!

– Да кто ж знал! Гена же меня с собой звал, столько планов было... Я вот думаю – может, недоразумение это, еще вернется он! – с отчаянием выдохнула Анжела. – Сама жалею, что не удержала Белку... Но разве ее можно удержать!

– А как она в Михальске Гену искать будет?

– Сказала, на вокзале. Он же в Москву поедет, не иначе!

– А если не найдет?

– У тетки останется, пока мост чинят. У нас же в Михальске тетя Рая живет. Помнишь ее? Она к нам раньше часто приезжала...

Тимур кивнул. Ему было все более-менее понятно. Он поднялся:

– Адрес теткин дай.

– За Беллой поедешь? А как же? Мост-то...

– Что-нибудь придумаю. Да, и координаты Гены – где, кто, откуда... Все, что помнишь, напиши!

...Тимур вышел из дома, сел в «уазик».

– Ну, как там? – робко спросил Сашок.

– Нормально.

– А чего случилось-то?

– Не твоего ума дело. – Тимур нажал на газ. – К реке поехали.

...На берегу, на пригорке, стояла толпа. Люди замороженно смотрели на ледоход.

Тимур поехал вдоль берега, к тому месту, где еще этим утром стоял мост, – «уазик» запрыгал по кочкам.

– Тимур, ты это... Как бы не свалиться! – вцепившись в сиденье, завопил Сашок.

Через пару минут они уже были на месте.

– Нет моста... С корнем вырвало! – зло произнес Тимур, выйдя из машины. Мимо, сталкиваясь, неслись льдины. «Что же здесь было? Страшно представить!» – мелькнуло в голове у Тимура, когда он оглядывал вывороченную землю с кусками арматуры.

– Привет! – Из-за кустов ирги вышел, ковыляя, Веня. «Тоже, помощник!» – сплюнул Тимур.

– Веня, расскажи Тимуру, что было, – выступил вперед Сашок. – Почему ты Беллу не удержал?

– Не успел. Дыхалка не та... – печально ответил тот.

– Эх ты, мужик!

– Сашок, помолчи, – оборвал второго своего помощника Тимур. – Белла просила чего передать?

– Просила тебя к Анжелке зайти. Больше ничего. Она ведь... Она ведь едва успела мост перебежать, – сглатывая, тихо произнес Веня. – За секунду до того успела.

Тимур сжал кулаки, отвернулся.

– Но она успела. Очень смелая. Огонь. Ничего не боится! – продолжил Веня. – С того берега мне помахала потом...

Тимур молчал, глядя на несущийся мимо лед.

– Вот что... – наконец произнес Тимур. – Чешите отсюда оба. Там бардак, в мастерской. Приберитесь.

– Тимур, а как же...

– Чешите, я сказал! – страшным голосом произнес он. – И запомните – вы мне должны. Вы мне за Беллу должны теперь! За то, что упустили ее, идиоты...

Веня с Сашком ушли, и Тимур остался один.

Он закурил, прислонившись спиной к «уазу» и глядя на ледоход. Воды почти не было видно, лишь глыбы льда дыбились, наползая друг на друга, и стремительно проносились мимо – словно сама земная твердь, покрытая заледеневшей коркой, пришла в движение, и то, что казалось вовек неизблемым, стало вдруг текучим. Словно материки сдвинулись, и погнало их неведомой силой куда-то вдаль – а ну как теперь швырнет их с поверхности планеты и затащит в бездну, в иное измерение? И вывернется тогда наизнанку весь старый мир, и станут люди вверх ногами ходить...

Тимур так долго глядел на ледоход, что у него даже голова закружилась.

Он не мог поверить в произошедшее, он не мог смириться с тем, что в ближайшие несколько дней, а может быть недель, не увидит Беллу.

Еще вчера он обнимал ее, прижимал к себе, мучительно страдая от неразделенного желания (здесь и сейчас, сразу и все, немедленно!). Но Тимур все-таки сумел себя вчера остановить, напомнить себе, что он не мальчишка, что все надо сделать чинно-благородно, прилично... Надо сначала сходить к Анжеле, сестре Беллы, посвататься (старый обычай, никому не нужный

уже, конечно, но зато душе спокойней – «по-человечески все делаю, не по-собачьи!»). Потом – подать заявление. И только потом уже, когда Белла станет официальной невестой, позволить себе то, о чем мечтал. Нет-нет, свадьбы можно не дожидаться, всего лишь несколько формальностей совершить надо было – для самоуважения, для того, чтобы и Белла уважала его, будущего мужа, – как человека серьезного, надежного...

Теперь Тимур ненавидел себя за медлительность. Надо было сразу забрать Беллу к себе в дом. Как пришла вчера, так бы и не отпустил. Кто бы его осудил за это? Да никто бы и не посмел. И та же Анжела слова поперек не сказала бы... Она же не дура, Анжела, – знает, что лучшего мужа для Беллы не найти.

Тимур давно задумался о женитьбе, но все медлил, выгадывал, приглядываясь к девушкам и женщинам Ирги. Много молодых, красивых, модных – но этим лишь бы под фонарем, на центральной площади, кружиться. Пустое. Какие из них жены, какие матери, какой пример для Люси, дочери... Тьфу.

Было в Ирге и несколько достойных женщин. Вот Анжела та же. Но...

Но год назад, весной, Тимур увидел Беллу. И не просто увидел, а – *увидел*. И все, больше для него никто уже не существовал.

Вчера вот решился поговорить с Беллой. Она согласилась стать его женой. Он, Тимур, уже владел ею... Так почему же упустил, почему она сейчас не рядом?

Внутри у Тимура творилось что-то страшное, очень похожее на ледоход. Так же все клочкотало, бурлило и скрежетало.

– Белла! – вслух, со злым отчаянием произнес Тимур. – Белла...

Если бы у него были крылья, он перелетел бы на другой берег – вслед за Беллой. «А чего мне ждать, когда новый мост поставят? Его, может, до осени ставить будут! Лед сойдет, на лодке переправлюсь в Михальск».

* * *

Поезд прибыл в Москву, на Ярославский вокзал, утром третьего дня. Больше двух суток Белла тряслась в плацкартном вагоне, питаясь кефиром и шоколадными батончиками (из экономии), которые продавались в вагоне-ресторане.

Но тяготы пути ничуть не сбили ее боевого настроения. Она найдет Гену и вернет его в Иргу, а если тот не захочет возвращаться – Белла посадит Гену в тюрьму, как вора и обманщика...

Москва встретила девушку душной, почти летней жарой. Там же, на вокзале, Белла купила путеводитель по городу, нашла в списке улицу Чусовую, посмотрела по карте, как туда добраться... И, не выходя из здания вокзала, спустилась в знаменитое московское метро.

Цена на одну поездку показалась Белле чудовищной, но что поделать... Да, и еще одна неприятность – девушка зашла в турникет не с левой стороны, а с правой. К счастью, дежурная на входе попалась добрая, она не заставила Беллу покупать второй билет, провела девушку через турникет для инвалидов. Что ж, обидно, смешно, но не смертельно... «Опыт, сын ошибок трудных» – он же не из воздуха берется, да?...

На нужной станции метро висел указатель: в одну сторону – на проспект, в другую – к улице Чусовой. «И как все просто! Большой город, а не заблудишься...»

И Белла на эскалаторе поднялась на улицу. Это была ее первая встреча с Москвой...

Она и ненавидела этот город («Живут же здесь такие подлецы, как Гена!»), и любила – той наследственной любовью, которая, наверное, есть у каждого жителя России, где испокон веку лишь две столицы, два больших, главных города, а все остальное – провинция... «В Москву, в Москву!» – недаром кричали чеховские три сестры.

Улица Чусовая. Так себе, кстати, улочка – дома, магазины, ничего выдающегося... Дом десять.

Белла остановилась у первого подъезда. Гена должен жить здесь – на первом или втором этаже.

«Наверное, он уже давно дома. Отдыхает с дороги! Ну ничего, потом отдохнет...»

Домофон – препятствие. Но Белла зашла в подъезд вместе с какой-то девочкой. Поднялась на цыпочках на второй этаж, приоткрыла ухом к обитой коричневым дерматином двери.

Ничего не услышала и нажала на кнопку звонка.

– Кто там? – раздался с той стороны приятный женский голос. – Вы к кому?

«Кто это?! – в смятении подумала Белла. – Может, сестра Генкина? А если... А если у Генки есть женщина в Москве?...»

– Вы к кому, девушка? – снова спросил приятный женский голос.

«Если это Генкина женщина, она должна знать правду о своем хахале... Подлец! А если она с ним в сговоре, я их обоих в тюрьму засажу!» – с мрачной решительностью подумала Белла и крикнула, глядя в «глазок»:

– Я к Мостовому, Геннадию Андреевичу! Живет здесь такой?

– Живет, – крикнула в ответ женщина и защелкала замками. Раз – и дверь распахнулась...

Белла увидела перед собой невысокую, худенькую, похожую на лисичку женщину средних лет – с выражением лица веселым и хитрым каким-то...

– А вы по какому поводу? – спросила женщина. – Из ДЕЗа? Насчет труб?

– Нет, я не из ДЕЗа. Я из другого города приехала, – мужественно, твердо произнесла Белла. – Я – сестра той девушки, на которой Геннадий Андреевич обещал жениться и бросил, причем бросил беременной.

– Что-о?.. – На женщину было страшно смотреть – она изменилась вмиг. Постарела, потемнела лицом. Такое не сыграешь. Бедная... Но ничего, может, и к лучшему, узнает, с каким гадом связалась. – Гена! Гена!!! Иди сюда!

«Он здесь. Пусть только посмеет отрицать...» – затрепетала Белла. Но в следующий момент произошло нечто странное и непонятное.

В коридор выскочил мужчина, тоже средних лет, в костюме, с галстуком, закинутым за спину, с пакетиком майонеза в руке. Невысокий, худенький и тоже с задорным, веселым выражением лица.

– Что случилось? – спросил он.

– А где Гена? – нетерпеливо спросила Белла.

– Я Гена.

– Вы – Геннадий Андреевич Мостовой?

– Да, я Геннадий Андреевич... А что случилось?

– Скотина! – закричала вдруг женщина и ударила мужчину по щеке.

– Лиля, ты спятила! За что?!

– Кто она?.. Я ее знаю? Беременна!

– Я не понимаю... Я эту девицу в первый раз вижу!

– Да не она беременна, а ее сестра! – с отчаянием произнесла Лиля.

– Сестра? Сестра... – тоже с отчаянием произнес мужчина. – Какая сестра?

– У твоей любовницы есть сестра! А ты не знал?..

– Нет у меня никакой любовницы!

Белла с недоумением слушала эту супружескую (а какую еще?) перепалку. Этот Геннадий ничуть не напоминал Анжелкиного Гену. Совсем другой человек! Но почему все остальное совпало – имя, адрес?.. Так не бывает!

Супруги орали друг на друга, Белла растерянно моргала. Мужчина вдруг упал на колени, попытался обнять свою Лилу:

– Лилечка... Я только тебя люблю...

– Ненавижу! – Лиля была в истерике.

– Вы не тот Гена, – сказала вдруг Белла с тоской. – Это ошибка. Вы Геннадий Андреевич Мостовой, и адрес тот же... Но это не вы!

Мужчина с женщиной перестали орать, повернулись к Белле.

– Я из Ирги. Это под Томском, знаете? У меня сестра Анжела... Я поняла! – с отчаянием произнесла Белла. – У Гены был чужой паспорт! Вы никогда не теряли паспорта? – обратилась она к мужчине.

– Н-нет, – ответил тот растерянно.

– Семь лет назад... – тоже растерянно произнесла женщина. – Семь лет назад, еще до свадьбы – тебя обокрали. И паспорт вытащили... Помнишь? Я еще боялась, что пожениться не сможем...

– Д-да, было дело... – побледневшими губами прошептал мужчина. – Ирга? А что это такое – Ирга?...

«О господи, что я наделала...» – Белла попятилась назад:

– Это ошибка... Простите. Простите!

Девушка побежала по ступеням вниз. Выскочила на улицу и остановилась, чтобы перевести дыхание. Она мучительно переживала то, что из-за нее поссорились эти люди, такие милые и хорошие. Говорят, когда супруги похожи друг на друга – это к счастью. Идеальный брак. Геннадий Андреевич Мостовой (настоящий) и его жена Лиля были похожи внешне.

– Может, помирятся. Вон он какой шустрый и бойкий, этот Геннадий... Наверняка найдет нужные слова, оправдается! И она его любит – вон как расстроилась! Нет, они обязательно помирятся...

– Стойте! – Из подъезда вслед за Беллой выскочила Лиля. – Погодите...

Женщина, словно коршун, вцепилась Белле в плечи и спросила, глядя в глаза девушке со страхом и надеждой:

– Вы точно ничего не напутали? Это правда – не тот Геннадий? Мой Геннадий – не тот, кого вы искали?

– Это не тот Геннадий, – с жаром воскликнула Белла и перекрестилась размашисто. – Совсем не тот! Пусть меня бог убьет на месте, если я вру!

Лиля застонала с облегчением и отпустила Беллу.

Белла, не разбирая дороги, помчалась вперед, подальше от места своего стыда и позора.

– Какая же я дура... Чуть не рассорила этих замечательных людей! – Бормоча себе под нос, девушка быстро двигалась вперед. Потом остановилась: – А как я Гену-то теперь найду? Он ведь и не Гена, наверное! Может быть, он Вася или Коля... Или вовсе какой-нибудь Ромуальд Эстебанович...

Все было напрасным – эта поездка, надежды поймать сбежавшего соблазнителя Анжелы... Да, лже-Гена уехал в Москву. Он здесь. Но как его найти – в этом огромном, многомиллионном городе?

«А если в милицию обратиться? Рассказать – так, мол, и так... Этот Гена обязательно должен засветиться где-то, с чужим паспортом-то... Сейчас же все компьютеризировано! А если милиция не захочет этим заниматься, я найму частного детектива. Их же сейчас полно... Откуда деньги на детектива? Пойду работать... Уборщицей, официанткой, кем угодно! Только вот жить где? А регистрация? Нет, надо обязательно что-то такое придумать, это же Москва, город огромных возможностей! Я не могу сдать, я не могу отступить... Надо придумать поэтапный план, а потом осуществить его. Эх, как жалко, что никого из знакомых у меня в Москве нет!»

Белла по природе своей была оптимисткой.

Она брела по улице и напряженно думала. Уже много идей зародилось у нее в голове... Она опомнилась, только когда в животе заурчало от голода. «Надо бы перекусить!»

Девушка остановилась, огляделась.

– Улица Покровка, – прочитала она вслух.

«Какое милое название! Да я же – в Москве!» – опомнилась Белла и улыбнулась. Было тепло, солнечно – первая молодая листва, дома эти старинные, красивые... на асфальте валялись тополиные «сережки». Машины, машины... Конец улицы терялся в сизой дымке.

Москву все ругали, ее не любили, но... Нельзя было не почувствовать детский восторг, оказавшись на московской улочке. Покровка... Магия места! А есть еще столько красивых уголков!

Белла увидела впереди супермаркет. «Куплю бутылку воды и какую-нибудь булочку. А вон и сквер – там на лавочке посижу!» Белла машинально взглянула на указатель со стрелкой, направленный в сторону сквера – «Чистопрудный бульвар». Никакой не сквер, вот они, знаменитые Чистые пруды!

Находясь в состоянии эйфории, Белла зашла в супермаркет. Взяла тележку, побрела вдоль полок, лавируя среди покупателей. «Может, бананов еще купить? Вроде не так дорого...» Она положила в тележку пару бананов и подняла глаза. У полка с алкогольными напитками, вполоборота к Белле, стоял мужчина и вертел в руках бутылку с лошадкой на этикетке. Хмурился, морщил брови, о чем-то напряженно думал.

Мужчина этот был странно знаком Белле. Хотя, если подумать, в Москве много знаменитостей, которых часто по телевизору показывают... Точно, по телевизору она его и видела!

На мужчине был меховой, ржаво-черного цвета жилет. Потертые, вытянутые на коленях джинсы, водолазка с растянутым воротом, грязные ботинки неопределенного цвета. Темные, нестриженные, лохматые волосы, щетина на щеках. Не молодой и не старик. Бомж, не бомж... Вообще, сейчас очень трудно судить о человеке по внешности. Да еще в Москве! Не разберешь, то ли это рабочий с ближайшей стройки, то ли известный своей брутальностью актер, то ли какой поэт-маргинал...

– Сценарист Денис Африканов, – сами собой прошептали губы Беллы. Это он, тот самый – кто придумал дивную историю под названием «Навсегда твоя». Точно, он. И ведь живет-то Африканов на Чистых прудах... И жилет этот... Он!

Толкая перед собой тележку, Белла ринулась вперед:

– Денис! Денис Африканов!

Сценарист вздрогнул и едва не уронил бутылку. Поднял на Беллу странно яркие, синие глаза и как-то странно скривился.

– Здравствуйте... Вы извините, я не знаю вашего отчества... Как же я рада вас видеть! – подлетела к нему девушка. Денис Африканов должен был помочь ей разыскать Гену. Пока непонятно, как, но должен – поскольку он человек добрый и чуткий... Недаром же именно он придумал эту трогательную историю о девушке Анфисе!

* * *

У Африкана, то есть Дениса Владимировича Африканова (но его мало кто называл Денисом Владимировичем), были деньги. Очень и очень немаленькие – на счету в нескольких банках (нельзя же яйца в одну корзину складывать). Была еще хорошая трехкомнатная квартира на Чистых прудах.

Машина?.. Права в свое время Африкан получил. И авто купил. Но это оказалось так неудобно – быть автовладельцем! Во-первых, за руль надо садиться только трезвым. Не выпьешь. Во-вторых, в Москве пробки. До пункта назначения быстрее добраться на метро (если время поджимало) и удобнее – на такси. Вызвал, к тебе приехали, довезли – все, не надо париться, где авто припарковать, не сопрут ли, не обгадят ли лобовое стекло птицы... Опять же, на гараж не надо тратить (а умный человек не должен тратить на лишнее).

Африкан благоразумно продал авто.

Дачи у Африкана тоже не было, потому что и дача – лишнее. Пафосно, дорого, ненужно. Пилить потом с дачи в город, на переговоры с продюсерами опаздывать из-за пробок... Работа – главное. И потом, природа в ближнем Подмоскowie паршивая, дачи непомерно дорогие, в дальнем – чуть получше ситуация, но дальнее, опять же, и задаром не надо, именно потому, что оно дальнее... Зачем она, эта дача? Восхищаться лютиками-цветочками? Нормальному мужику лютики-цветочки не нужны. А если приспичит какому извращенцу цветочками любоваться – пусть себе фикус на подоконнике выращивает, нечего сто километров ехать, чтобы природу лишний раз понюхать.

К одежде Африкан был равнодушен, много на нее не тратил. Несколько любимых, дорогих его сердцу предметов гардероба – вот как этот меховой жилет, например. Африкан не вылезал из него круглый год, за исключением трех летних месяцев. Несносимые финские башмаки на холодное время года и шведские сандалии – на летнее. Две пары одинаковых, неубиваемых, настоящих американских джинсов. Пятьдесят пар трусов из черного сатина – продукция Ивановской области, Россия. Тело дышит, походка свободная. Была оказия – купил оптом. Все. Вопрос с трусами закрыт на несколько ближайших лет.

Для встреч с продюсерами и для посещения всяких торжественных мероприятий Африкан специально съездил в Италию, пошил там костюм. Там же купил ботинки-рубашки-галстук, все шикарное, но максимально нейтрального, классического цвета и вида (последнее для того, чтобы никто не говорил, что Африкан в одном и том же ходит). Портфельчик еще кожаный прикупил... Один.

Костюм и прочие аксессуары – не роскошь, они необходимы для питчинга. Для самопрезентации то есть... Приходится же время от времени являться к продюсерам, убеждать их, что именно твой сценарий будет самым лучшим и интересным... Что ты – весь из себя такой успешный, тебе можно доверить проект... (Кстати, для таких случаев Африкан вызывал себе такси представительского класса.) Нынче же по одежке судят. Так что костюм был вовсе *не лишней* тратой. Хотя в последнее время, к большой радости Африкана, его уже принимали не по одежке. Его считали настоящим профессионалом...

Словом, деньги у Африкана были, и тратил он их разумно. Зарабатывал Африкан исключительно написанием сценариев. Он – профессионал. За какую-то *другую* работу он в жизни бы не взялся, даже если бы ему миллион посулили...

Словом, Африкан придерживался строгих, незыблемых правил: лишнего не надо, свое не отдам, бесплатно – и пальцем не пошевелю, подставляться за деньги – тоже не буду... Ибо репутация – дороже всего.

Но было в жизни Африкана нечто странное и необъяснимое. Он вел семинар по сценарному делу, то есть учил молодежь (хотя многие в его группе постарше его были). На семинар могли прийти все желающие – были бы у них средства. Причем сам Африкан за свою преподавательскую деятельность получал не такие уж большие деньги (по сравнению с гонорарами за сценарии). И еще – на семинары он тратил свое драгоценное время.

Вопрос – зачем?

До недавнего времени Африкан думал, что он ведет семинар для того, чтобы хоть на кого-то излить свою желчь. Сделать кому-то больно, при этом самому оставшись недоступным для чужих уколов (ведь он Мастер, Учитель, его нельзя трогать!). Психотерапия, одним словом... А психотерапия, она тоже денег стоит, между прочим! Причем мудрый Африкан не чужому дядьке-психотерапевту свои денежки нес, а еще и сколько-то зарабатывал на своей проблеме.

Итак, Африкан вел семинар при учебном центре, в котором желающих учили всему подряд – и как правильно выйти замуж, и как научиться варить борщ, повысить самооценку, общаться с начальством и т. д. и т. п. Приходили люди, давали деньги, взамен получали продукт в виде знаний. Хорошо учишь, интересно – желающих хоть отбавляй, денег больше. Плохо – сиди, сопли жуй, выручки нет.

Африкан учил людей, стремящихся к сценарному делу.

По идее, от Африкана должны были все сбежать, с его-то характером. Ан нет. Народ так и ломился к нему на курсы. Раз преподаватель сволочь – значит, не ради денег вкалывает. Да и фильмография Африкана сама за себя говорила... Настоящий профи! А советы профи бесценны, ради этого можно и потерпеть.

В группе у Африкана было человек двадцать слушателей, разного возраста. Мужчин – больше женщин. Некрасивых женщин больше, чем красивых. Умных мужчин больше, чем умных женщин. Умных (вне зависимости от пола) – меньше, чем глупых. Человека четыре по-настоящему талантливых, их Африкан уважал, сильно не задирал. Даже пил с ними несколько раз. Основная масса слушателей – ни то ни се. Может, выйдет толк, а может, нет. Скорее всего, нет. Несколько откровенно тупых товарищей. И еще один человек – Юрий Попов.

Этим утром Африкан понял, что, во-первых, ненавидит Юрия Попова, потому что тот – воинствующая бездарность. Графоман. Такого хоть дустом травы – все равно сценарии писать будет. Попову было тридцать (всего-то на восемь лет младше Африкана) – но сколько гонору, сколько пафосу...

И во-вторых и в-главных, Африкан вдруг осознал истинную цель своих занятий.

Он ведет этот семинар для того, чтобы в мире было меньше дерьма. В смысле – меньше отвратительных фильмов, от которых уже тошнит всех зрителей. Это его, Африкана, миссия: доказывать всем бездарностям, что они – бездарности и потому не имеют права соваться в мир Большого Кино.

Все началось с того, что этот самый Попов написал очередной сценарий, на историческую тему. Этот опус как раз сегодня утром разбирали, всем курсом.

Сценарий на тему Древней Руси (нехило замахнулся паренек, да?). Князь Владимир, старцы, святые угодники, громокипящие речи, любовь а-ля Ромео и Джульетта... Примерно такие диалоги: «Люб ты мне, светлый князь...», «Томилась без тебя моя душа, Рогнедушка!», «Веди нас, пресветлый князь, ворогов бить!» Аж скулы сводило от этих пустых, пышных фраз.

– Юра, вы зря потратили время на этот сценарий, – сдержанно произнес Африкан.

– Почему? – спросил Попов – высокий, нескладный, белобрысый, всем видом – неудачник, или, как сейчас принято говорить, – лузер.

– Да, почему, Денис Владимирович? – спросили и другие слушатели.

– Потому что его у вас никто не купит, – издали начал Африкан. – Бессмысленно делать то, что бесполезно.

– Но такая тема... Разве можно ее назвать бесполезной? – вспыхнул Попов.

– Тема – замечательная. Нужная. Красивая. Интересная. Но это грандиозный проект. Дорогой. Вы прикидывали бюджет вашей будущей картины? Во сколько встанут натурные съемки, декорации, массовки, костюмы, спецэффекты, грим, наконец?... Только серьезная киностудия возьмется за такой фильм. И, если киностудия за него возьмется, она доверит написать сценарий только своему сценаристу, проверенному и известному. Вы – пока никто и ничто, – жестко произнес Африкан. – Кино – это большие деньги. Рисковать ими никто не собирается.

– Даже если мой сценарий лучше, чем у известного сценариста? – уже побледнел Попов.

– Дорогой мой, это бред. Известный сценарист априори напишет лучше вас... На то он и известный сценарист.

– Но если я со всей душой, ночами не спал... – дрожащим голосом, упрямо возразил начинающий гений. – Я писал и плакал!

– Ну и что. Хоть обрыдайтесь. Ваши слезы на качество продукта никак не повлияют.

– Это несправедливо, Денис Владимирович! – крикнул кто-то из зала. – Таковую ерунду снимают...

– Так не будем увеличивать количество этой ерунды! – торжественно произнес Африкан. – Теперь по сути, о самом вашем сценарии, Юрий. Он пустой. Много пышных фраз, патристических воплей... Характеры героев ходульные, плакатные. Это неживые люди! Сюжет провисает. Экспозиция непомерно затянута. Я вас уверяю – зрители и полчаса не высидают перед экраном.

– Откуда вы знаете?

– Откуда? Оттуда. Я этим уже много лет занимаюсь, – оскалил зубы Африкан.

– Но вы специалист по мелодраме... А я написал сценарий исторического фильма! – и не думал уступать Попов.

– А какая разница – боевик, мелодрама, комедия, историческое полотно... Главное – фильм должен быть интересным! Закон один – нет жанров, кроме скучного! Графоманов и так хватает... – Африкан обвел взглядом зал. Часть семинаристов была на стороне Африкана, часть – в основном те, кто на уровне Попова, – возмущенно переглядывалась.

Они хотели сладкой лжи? Не дождутся...

Попов вдруг опять покраснел. Задышал громко. Потом схватил свою сумку и выбежал из аудитории.

Слушатели зашумели:

– Зря вы так, Денис Владимирович...

– Прямо в глаза графоманом назвали!

– Ладно, забыли, – нетерпеливо произнес Африкан. – Кто следующий? Полоскова? Все читали Полоскову?..

Обсуждение пошло своим чередом. Но до конца занятия Африкан все еще ловил негодующие взгляды. В основном, конечно, негодовал женский пол. Жалостливые они, женщины...

И наиболее жалостливые – это те, которые самые страшненькие. Красоты нет, так добротой решили мир взять... Лицемерки. Красивые – те честнее. О себе больше думают.

Африкан видел женщин насквозь. «Эх, было бы куда лучше, если бы у баб мозгов вообще не имелось», – подумал он, глядя на Филонову – молодую, очень эффектную девушку. Она нравилась Африкану, но он прекрасно понимал, что стерва Филонова обдерет его как липку, если он вздумает завязать с ней отношения. И мало того что обдерет, так еще и унизит, в ногах ползать заставит, душу выпотрошит... У Африкана было звериное чутье – он знал, какая женщина чего хочет от мужчины. И тех, что вроде Филоновой, сторонился.

Филонова, заметив взгляд Африкана, безмятежно улыбнулась. Потянулась слегка, выгнув грудь, зачирикала что-то там карандашиком в блокнотике...

В час семинар закончился, слушатели разошлись.

Африкан, распахнутый мыслями о Филоновой, наглядевшись на других девиц в аудитории – уже в летнем неглиже, вышел на улицу, достал сотовый.

– Алло, – нервно отозвалась Зина.

– Алло, Зина? Зина, я сейчас приеду.

– Вот еще!

Кажется, Зина была слегка под градусом. Она любила немножко выпить красного винца, без повода. Типичная женщина! От вина Зина становилась истеричной. Уж лучше бы на водку перешла...

– Что это значит, Зин? – жестко произнес Африкан. – Я сейчас приеду, и все тут. Мы договаривались. Еще два свидания мне полагаются, за апрель. Завтра, между прочим, первое мая уже!

– Самец! – с ненавистью произнесла Зина. – Африкан, ты не человек, ты животное. Ты приезжай, да... Но не для того. Мне надо с тобой поговорить. О-очень серьезно поговорить!

Африкан нажал на кнопку отбоя. Оглядел улицу, оценивая дорожную ситуацию. Вроде пробок нет. И махнул рукой, ловя частника:

- Друг, довези до Волочаевской... Двести рублей.
- Четыреста.
- Двести пятьдесят.
- Триста.
- Двести пятьдесят, – Африкан был непреклонен.
- Садысь... – смирившись, уныло произнес бомбила.

Через полчаса Африкан был уже у Зины.

- Привет, – сухо произнесла она, дыша вином. – Мне некогда, как видишь...

Зина, в домашнем бархатном облегающем костюме вишневого цвета, с тщательно уложенными белоснежными локонами, с перламутровым блеском на губах, якобы прибиралась в квартире – держала в руке специальную мохнатую щетку, помахивая ей время от времени... Ага, решила убраться... Причесалась, наштукатурилась, напялила на себя свой парадный домашний костюм и давай пыль сметать... Кто в нее поверит, в эту пыль! Кого Зина провести хочет? Его, Африкана?.. Он всю эту драматургию наизусть знает. Напилась, спектакль решила разыграть.

– Мне тоже некогда, – спокойно произнес Африкан. Бросил на стол планшет с бумагами. – Давай раздевайся. Десять минут. Потом уйду, и делай что хочешь...

- Скотина. Какая же ты скотина, – с ненавистью бросила Зина.

– Чем же это я скотина? Что я не так сделал? – невозмутимо ответил Африкан. – Я не даю тебе денег? Я бью тебя? Я делаю тебе больно? Я обманываю тебя? Я являюсь к тебе пьяным и крушу тут все подряд? Я извожу тебя ревностью? Я мешаю тебе жить?

– Ты не человек, – Зина с отчаянием отбросила щетку. Села на диван. – Послушай, Африкан... Мне плохо.

- И что теперь? Что ты хочешь?

- Я хочу семьи. Любви. Детей.

- Хоти. Я-то тут при чем?

– Ладно. Давай откровенно. Ты ведь ко мне столько лет ходишь... Я могу на что-то надеяться?

- На что? – хладнокровно спросил Африкан.

– Вот зачем, зачем ты так себя ведешь? Ты же все прекрасно понимаешь! – закричала Зина. – Ты ко мне как к содержанке относишься!

– А кто ты есть? – пожал плечами Африкан. – Ты и есть содержанка. И в этом нет ничего плохого. Я тебя уважаю. И ты знаешь, что я тебя уважаю.

Зина вздохнула.

– Африкан, Африкан, а ведь у меня сегодня день рождения. Мне тридцать лет. Тридцать лет, боже мой... – Она вытащила сигарету из пачки. Африкан щелкнул зажигалкой.

- Я тебя поздравляю.

- Ты бы хоть цветы принес!

- Зачем?

Зина едва не закашлялась. Покачала головой, глядя на гостя со скорбью:

- Я женщина. Я хочу любви.

– Я мужчина. Я хочу заниматься любовью. И мы с самого начала договаривались, что наши отношения – чисто деловые.

- Вот ты весь в этом, в этих словах своих дурацких... Я не могу так больше!

- Ты хочешь, чтобы я на тебе женился?

Зина затушила сигарету в пепельнице. Подобрала ноги, устроившись на диване удобней. Опустив глаза, уронила тихо:

- Да...

- И что от этого изменится? Все будет точно так же, – мрачно произнес Африкан.

– Нет, не так же. Я стану не содержанкой, а женой, – живо возразила Зина. Вытянула вперед ногу, поболтала ею в воздухе.

– А смысл?

Зина сделала паузу, а потом произнесла раздельно:

– Любовь.

– Любовь?! С каких это пор брак приравнивается к любви? Я что, нежнее с тобой стану, если мне штамп в паспорте поставят? Уси-пуси всякие... Зинаида, я останусь прежним, я буду говорить тебе те же самые слова, что и сейчас... – засмеялся Африкан. – И потом, ты хорошо придумала... Заграбастаешь мои деньги, мою квартиру, меня – с потрохами, и все это под эгидой великого чувства – любви!

– Я о тебе буду заботиться!

– Как? С ложки меня кормить? Я сам ложку в руках держать могу! Мне не надо рубашки гладить, я в офис каждый день не хожу! – Африкан уже потихоньку начал выходить из себя. – Короче, Зина, все остается по-прежнему, или мы прекращаем отношения. Давай раздевайся...

– Катись к черту, Африкан, – с ненавистью произнесла любовница.

В первый раз за сегодня она говорила искренне, без манерничанья и ужимок.

– Хорошо, – кивнул сценарист. – Мы расстаемся. Те неиспользованные два свидания остаются на твоей совести, я денег назад требовать не буду.

– Мерси. Ты очень, очень благородный человек. Буду считать, что это твой подарок мне на день рождения. Спасибо!

– На здоровье, – Африкан направился к выходу, но у двери не выдержал, обернулся: – Глупая ты женщина, Зина. Как ты жить-то дальше будешь? На работу пойдешь? Да ты же сроду не работала, ты раньше часа дня встать не можешь! По три часа с подружками треплешься! Замуж? Допустим, найдешь ты мужа... И что, лучше будет, чем со мной сейчас? Начнет он тебя за волосы таскать да эсэмэски в телефоне проверять... Он с тебя борщ каждый день требовать станет! А через пару лет супружеский долг забудет как исполнять!

– Идиот!

– Сама такая... – Африкан схватил свой планшет и вышел, хлопнув дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.